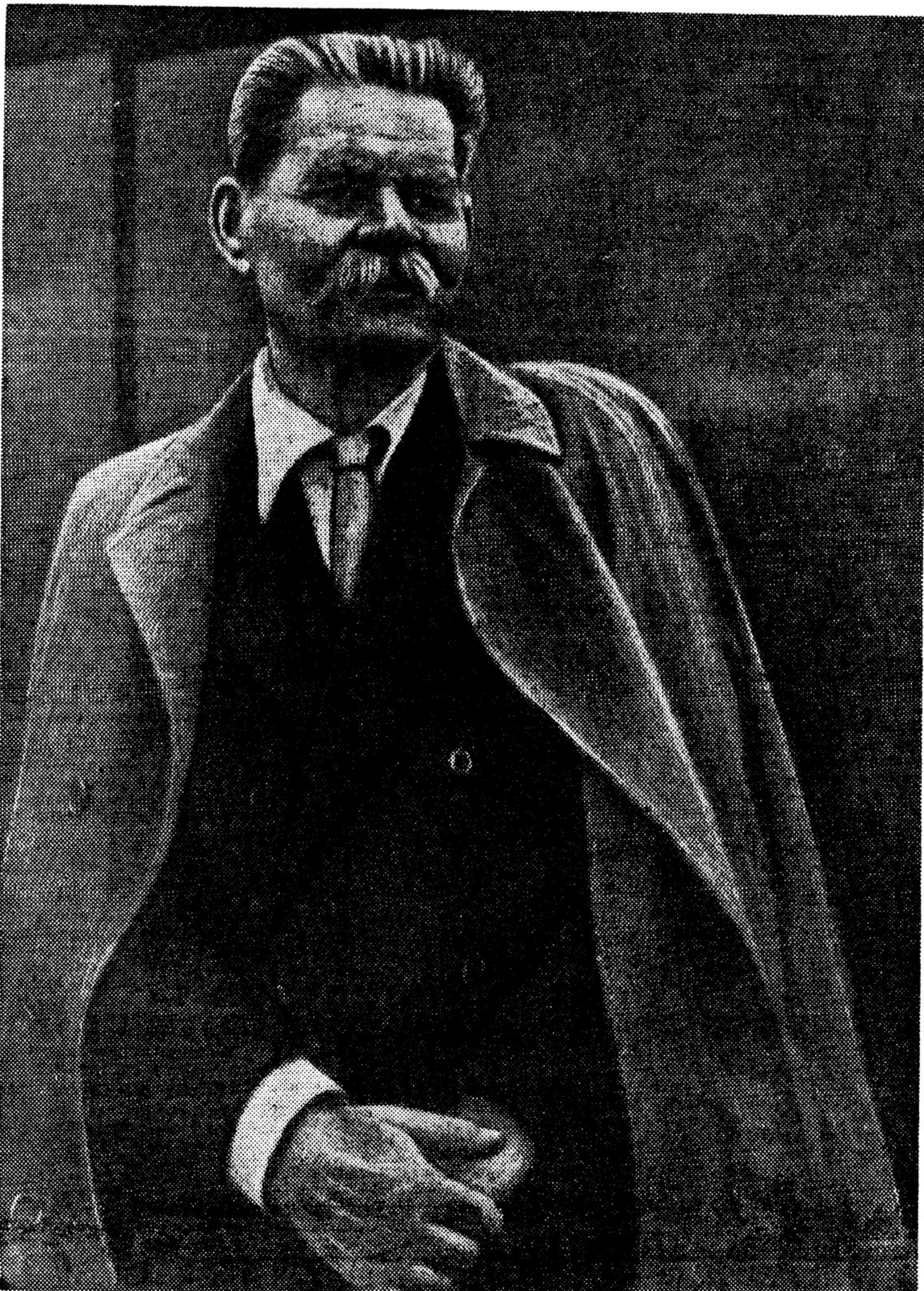

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

МАРТ 26 СУББОТА 1938 год № 17 (724) Цена 30 коп.

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

28 марта исполняется 70 лет со дня рождения великого пролетарского писателя — верного соратника Ленина и Сталина — Алексея Максимовича Горького.

Соратник Ленина и Сталина

Буря! Скоро грянет буря! Пусть сильнее грянет буря! И весь мир услышал эти, полные гнева, благодарные слова писателя Алексея Максимовича Горького внезапно, с ошеломляющей стремительностью и страстностью вошед в русскую и мировую литературу, как буревестник революции.

Пусть сильнее грянет буря! В дни Октября, в самые тяжелые годы гражданской войны книги Горького читались миллионами вооруженных людей, его популярность все возрастала, и возрастала, а образ его был окружен такой любовью народа, о которой мечтал когда-то Пушкин. Любовь Ленина к Горькому была и любовью народа к Горькому.

из бесед с людьми, которые тянулись к нему, узнавал о чем-нибудь хотя бы незначительном, но принципиально новом и характерном для социалистического общества. Он обладал удивительным умением увидеть и отличить это новое, именно потому, что прекрасно знал действительность старой России. Преподанный величайшего оптимизма, он верил в неослабевающие силы советского народа, верил так, как учит нас этому Сталин.

Вместо статьи

Детский писатель пишет про зайчика, Взрослый поэт — эпопею занят, Полобили историю все прозники И драматургов — история манит. Что же? Каждый, как будто при деле, И дело неплохо идет, какись... Вот только жизнь они проглядели, Кипучую нашу советскую жизнь!

Конечно, все захотят оправдаться. Отговорка — известна, проста и легка — Скажет прозник: «Боюсь размяться!» Крикнет поэт: «Я творю на века!» Прозник скажет: — «Немыслимо сразу Тему любую перу покорить!»

В строчки плакатов и в толщу книг Голос писателя-агитатора Животворящей силой проник. Работники слова! Выборы — близко! Подумать о них — давно пора! Нельзя ограничиваться оптикой, Нельзя писать лишь «привет» и «сурал»

Неопубликованные письма

А. М. Горького

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА»

Сейчас мне прислали из редакции около десяти рассказов начинающих авторов: займу их апалзом. А вообще у меня такие мысли: по моему следовало бы завести отдел, в котором давался бы занимательный но точный анализ техники классических вещей, с выбором тех из них, которые именно сегодняшнему литературному ядру наиболее соответствуют. Например яркие сатирические вещи.

оставалось бы в рамках «технологического» анализа что-бы сильнее сосредоточить внимание. Я убежден, что это можно делать интересно. Затем у меня еще такое соображение. Обычного библиографического отдела в журнале вероятно не будет — это, я думаю лишнее, но было бы важно ввести в журнал характеристики книг тех молодых писателей, которые выступают впервые — такая беспристрастная, внегрупповая и внимательная оценка достижений литератора впервые выступающего с книгой...

ИЗ ПИСЬМА К ВСЕВОЛОДУ ИВАНОВУ

Дорогой Всеволод Вячеславович — «Не гениальная» литература, разумеется, нужна, ведь, в сущности — то она и есть та самая литература, которая, являясь широко и удобочитаемой, служит учителем читателя. Есть — холмы, есть — горы, а на Кавказе, на Эльбурсе не всякий полагает, и поэтому грамотный Золя читался больше, чем Бальзак, а славянский Додо, больше чем серьезный Золя. Все растет — и сожалению — по линии наименьшего сопротивления, это особенно наглядно подтверждают корни деревьев, растущих на каменистой почве. Читатель тоже всегда предпочитал эту линию. Предпочитал, но случилось так, что читатель напел — как будто — начинает нравиться линия сопротивления наибольшего. Ныне он, баловник, уже требует литературы грамотной — Его раздражают словечки: «сгноился», «присоединился», «раздербанил», «мастрица», «солнцезя», «сердцеватка» и т. д.

низваны, но в отношении своей к действительности, к жизни они уже — другие люди, у них другое мироощущение, — они ощущают мир, как бесчисленный ряд равнообразнейших реальностей, которые осязаются их энергией. И, поэтому, они живут в мире, который имеют законнейшее право называть своим. Их мироощущение — эмоция, эмоциональной основой — эмоция, предшествующая миропониманию интеллектуальной. Логика дела, конечно, приведет их к освоению логики идей, положенных в основу дела.

Черновик-автограф письма А. М. Горького к В. В. Иванову в двух листах большого формата хранится в Архиве А. М. Горького. Письмо должно быть отнесено к 1935 году.

А. ПЕШКОВ.

О РУССКОМ ИСКУССТВЕ

(Из статьи А. М. Горького о русском искусстве, которая была напечатана без заглавия в журнале «Путь освобождения» № 1 от 15 июля 1917 г.) ...в области искусства, в творчестве сердца русский народ обнаружил изумительную силу, создал при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир. Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его рождало десятки великих художников слова, звуков, красок.

Горький о труде писателя

В письмах ко мне Алексей Максимович касался многих тем, отвечая на мои вопросы, возражая мне, иногда вступая в обстоятельный спор, переходивший из одного письма в другое. Темы бывали и «морального» характера, о которых Горький говорил то с легкой усмешкой — «Дорогой мой Федя, — нашу беседу об искусстве мы — истинно по-русски — свели к вопросам морали...» — то с гневом и болью: — «Аз емь старый ненавистник страданий и физических, и моральных. И те, и другие, субъективно и объективно ваятые, возбуждают у меня негодование, брезгливость и даже злобу. Страдание необходимо ненавидеть, лишь этим уничтожишь его. Оно унижает Человека, существо великое и трагическое».

НОНСТ. ФЕДИН.

«Волнующий Вас лично вопрос: как писать? разрешается временем и любовью к делу писания. Толстой? Его «простота» давалась ему — Вы знаете это — тяжелым упорным трудом. Пластичность, скульптурность его письма очень не «простая». Еще более «прост» другой великомуценник слова — Флорбер.»

ЖИВИТЕЛЬНАЯ СИЛА

ВЕЛИКИЙ И МУДРЫЙ

Максим Горький любил жизнь. Он высоко ценил труд как единственную прочную основу жизни. Это был настоящий сильный человек. Крепкий в труде, честный в слове, мужественный в борьбе. Его любовь была так же действительна, как и ненависть. Поэтому тяжело выговаривается слово «был», когда вспоминаешь о нем. Горький живет и будет жить века в благодарной памяти не только своего народа, в памяти всех народов земли. Но вот в мире вещественном, плотском, грубо зримом, в этом рождающем, творческом, страдающем, но снова побеждающем, повседневном человеческом бытии нет Алексея Максимовича. Как тоскливо думать об этом! Собственное живое сердце сразу ощущается усталым.

Убили! И кто? Продажная гадость в человеческом платье. Страшный урок нам всем, гражданам СССР. Постоянное напоминание о том, что нам, окруженным оптимистическими слухами, надо уметь не только любить и верить, но, в неустанной деятельности, не всякому словословию доверять. Мне сейчас, как пощечина, вспоминается один случай. Хорошии Максима Алексеевича Пенкова. Служившие Ягоды, с огромными венками и цветами, с этой поруганной в их руках данью любви успокоению, стояли около могилы. Опустили тело в могилу. У нас нет обрядов для такого погребения. Одна музыка не может скрыть жестких комьев земли, падающих на беззащитный гроб, и грязных фартуков могильщиков. В этот трагический момент предания человека земле у могилы появились отец, Максим Горький. Музыка молчала. Стук земли о крышку гроба стал отчетливо слышен. Склонив голову слегка набок, Максим Горький втянул ее в свои широкие плечи, и плечи затряслись. Я не помню, что пошел к нему с одной стороны. Но ясно вижу, как с другой подбежал куда-то Бухарин в желтой кожаной тулупе. Опирается на

слишком заносчиво или так, что Горький обрывал меня: «Я не архиерей, а вы не ласоумщик». На заносчивость он вообще не отвечал. Смотрел прямо в лицо своими удивительно молодыми, синими глазами, шевелил рот под жесткими усами, постукивал пальцами по столу. И ответ становился ясным. Противный всего в жизни для него были нерешительность и лень. Он сам, уже будучи прославленным писателем, работал по 12, по 14 часов только за своим письменным столом. Пораительно, как успевал он, при таком стахановском строе работы, не только любить людей, но и различать каждого в отдельности.

Когда я работал в заводских литружках, я всегда предвзято рукописи моего рассказателя для журнала «Колхозник», отвергнутого М. Горьким. В рукописи отдельные фразы исправлены им собственноручно. На полях его рукой выписано более удачное выражение отдельной мысли. Если после такой работы редактор утверждает, что рассказ не пригоден для опубликования, то горечь неудачи не страшна. И как радостно после подобной чистки, когда тот же редактор похвалит. Похвала Максима Горького заставляла меня работать, когда писательские неудачи уже толкали в литературное небытие. Он подвигнул меня с рассказом «Таня». Он и тут прибавил от своего правдивого писательского взгляда: «Очень уж у вас она аккуратная. Ну, это ничего. Рассказ есть».

Свою любовь в нашей стране, к своему труду, ко всей нашей эпохе Горький умел передавать всем, кто тем или другим образом общался с ним. В большом доме, отведенном для него, Алексей Максимович всегда занимал малый угол. Но этот угол всегда был по-настоящему красным углом. Отсюда любовь к человеку СССР, трудолюбивость, подлинная преданность делу Ленина-Сталина живым током шли не только по всему СССР, но и за грани его, в своем, к пролетариату всего мира. Физическая смерть Горького не оборвала этого тона. Он существует и живет нашу и мировую литературу.

«Да.. но беда в том, что хорошего в ней много.. было бы худо — сразу бы сказал — берите! Оттого сижу и думаю.. Хозяин — это — гротеск, мастеровые — безобразная стена с дракой во время спектакля. Грязные, как черти, страшные люди, а смешно и чудовищно.. Жалко отдувать, но не возмуж!»

Обычно редактор говорил: «Пойдет! Не пойдет!», и тем всегда ограничивался, а сам я ленив (да и не один я) возвращаясь к начатой вещи, да и трудно шевелить сделанное.

Алексей Максимович очень ценил писательское своеобразие и не раз в письмах указывал: «Это опять густо подчеркнутый вы, Алексей Чапыгин!»

Помню я, как мы собрались на съезд крестьянских писателей в Москве, где я помню тогда, когда было; пригласили Алексея Максимовича в президиум, ему было некогда, но он все же пришел. Появился за столом с карандашом в руке и, поводя им, как держер палочкой, сказал:

«А личико-то у вас почти ни у кого нет! Больше читайте фольклор, читайте первоисточники былин, не верьте их пересказу!»

Особенно сердился Алексей Максимович, когда у автора нет еще лица, а его хвалит и рекламирует. В этих случаях Алексей Максимович становился мрачен.

В 1918 году, помню, по просьбе писателя В. я передал Горькому его книжку но вела. В часе переделывал греческие мифы и приставлял к ним свои окончания. Когда я положил на стол Алексею Максимовичу книжку В., он ее резко отодвинул от себя, нахмурился и сказал: «Бездарность!»

Еще помню случай с моим приятелем, сыбирком (он писал стихи). Приятель — честный и рабочий парень — приставил ко мне: «Сведи к Горькому! Я из-за него три года босячился.. только он оценит мои стихи, тебе не верю!»

Пришлось звонить к Алексею Максимовичу. Он позволил, и мы пришли. Приятелью нас принял, очень расспрашивал сыбирка, где он путешествовал, а он-таки был бродачьем человеком, много видел, но знал, видимо, мало. Посидели, поговорили, сыбирка ушел. Когда мы остались одни, А. М. сказал: «Думаю, что такие люди, как вы, не нужны, не дарованы.. Я не раз видал таких людей, как вы.. и анализ всегда, что для литературы они непригодны, хотя иныи и стихи писали..»

Я попросила. Провожая меня, Алексей Максимович указал: «Через три дня заходите — прочту!»

Я зашел. А. М. передал мне толстую тетрадь стихов моего приятеля, заговорил: «Прочти первое стихотворение — понравилось и подумай: «А ну как я ошибся? Захвал парня!» Прочел второе, а там: «Сима, Сима! Жизнь не выписима» и пошло чорт знает что, то Солонгуб, то Брюсов и ни одного, ему самому присущего! Не хорошо, но обрадовался, что я прав!»

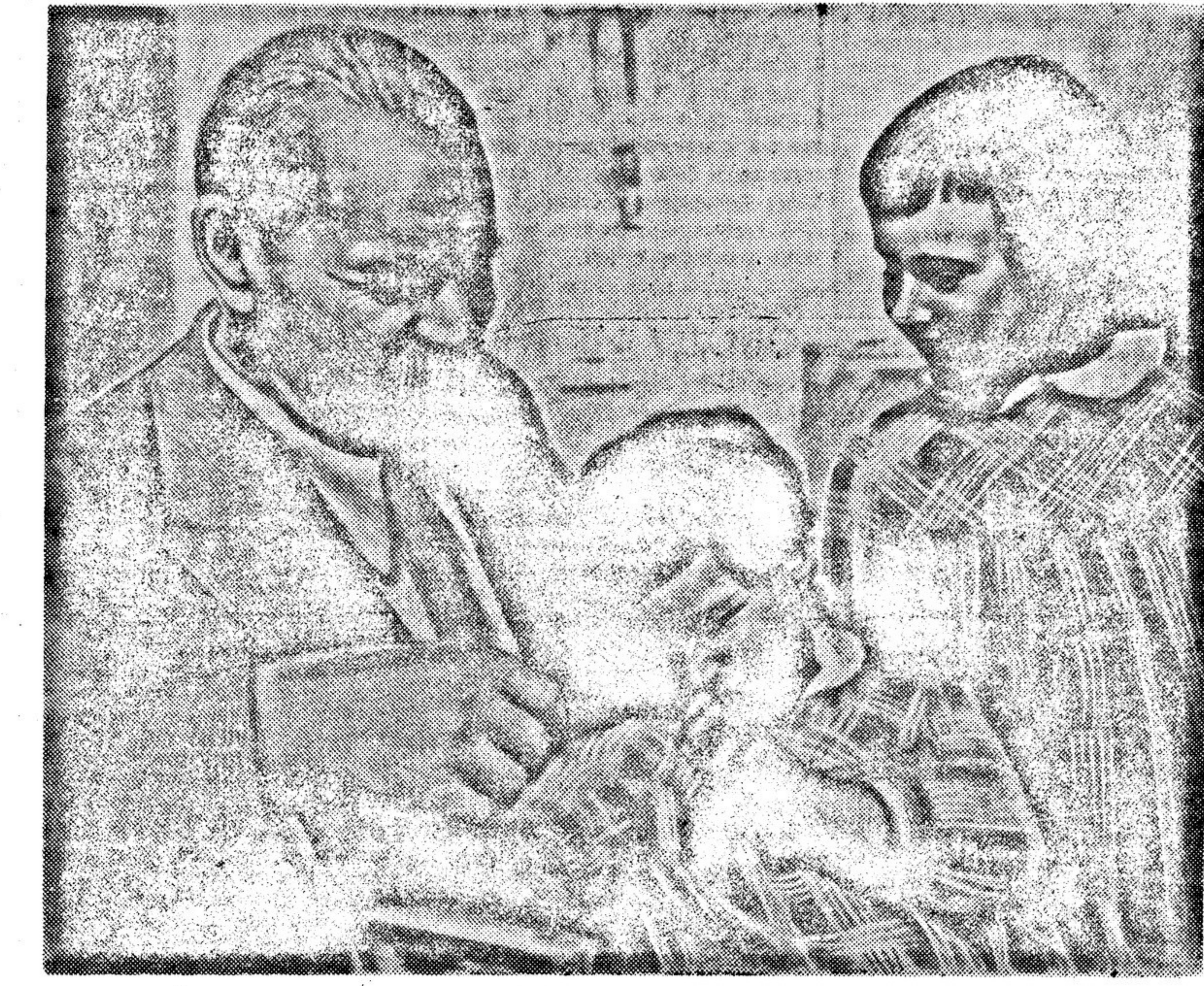
..Последнее письмо пришло с поздравлением меня в тридцатипятилетий юбилей:

«Дорогой мой Алексей Павлович, весьма досадно, что немощи старческого не позволяют мне явиться на праздник Ваш и с радостью послушать, как товарищ скажет Вам слова любви и уважения, воздадут явалу за прекрасного «Разина» и за «Гуляния людей», которые общаются такой же яркой картиной, какова книга о Степане Тимофеевиче. Мне тоже хочется сказать, что очень люблю и высоко ценю Вас, мастера литературы, для которого искусство всегда было выше всяких выгод и удобств, люблю за Вашу любовь к литературе, за северное сияние Вашего таланта. Жаль, что приходится говорить это издали, а очно, и что не смогу крепко дружески пожать Вашу руку, обнять Вас. Огромная и ответственной роль назначена историей литературе нашей, великая честь способствовать росту ее и движению к чудесной цели, чего от нее требует народ страны нашей, народ героев. Поздравляю Вас, дорогой товарищ, до хорошего праздника дожили Вы.»

14.III.34. М. Горький».

Этим я и закончу свои несложные воспоминания о великом и мудром человеке, Алексее Максимовиче Горьком.

Убили! И кто? Продажная гадость в человеческом платье. Страшный урок нам всем, гражданам СССР. Постоянное напоминание о том, что нам, окруженным оптимистическими слухами, надо уметь не только любить и верить, но, в неустанной деятельности, не всякому словословию доверять. Мне сейчас, как пощечина, вспоминается один случай. Хорошии Максима Алексеевича Пенкова. Служившие Ягоды, с огромными венками и цветами, с этой поруганной в их руках данью любви успокоению, стояли около могилы. Опустили тело в могилу. У нас нет обрядов для такого погребения. Одна музыка не может скрыть жестких комьев земли, падающих на беззащитный гроб, и грязных фартуков могильщиков. В этот трагический момент предания человека земле у могилы появились отец, Максим Горький. Музыка молчала. Стук земли о крышку гроба стал отчетливо слышен. Склонив голову слегка набок, Максим Горький втянул ее в свои широкие плечи, и плечи затряслись. Я не помню, что пошел к нему с одной стороны. Но ясно вижу, как с другой подбежал куда-то Бухарин в желтой кожаной тулупе. Опирается на

А. М. Горький с внуками. (Музей А. М. Горького).

Пам'яті Горького

Герой одного из горьковских рассказов замечательно говорит о том, как надо помнить людей, которые недаром прожили свой век.

«...Он протянул руки к могилам:
«И должен знать, за что положили свою жизнь эти люди, я живу их трудом и умом, за их костях, — вы согласны?»

И дальше:
«Мне не нужно имен, — мне нужны дела! Я хочу, должно знать жизнь и работу людей. Когда отошел человек.. напишите для меня, для жизни подробно и ясно все его дела! Зачем он жил? Крушно напишите, понятно, — так?»

Одна из ответственных задач нашей литературы — написать «крушно и понятно» о Горьком — писателе и человеке.

Горький был настоящим профессиональным литератором в лучшем смысле этого слова. Но он никогда не был в плену у своей профессии. Этот человек, имя которого для миллионов людей означало почти то же, что и само слово «писатель», был меньше похож своим обликом и повадками на присяжного литератора, чем очень многие юноши, недавно переступившие порог редакции. Он был страстным читателем. Каждую новую книгу он открывал с тем горячим любопытством, с каким навелал когда-то книги из черного сундука в каюте пароходного повара Смурого, — удивительные книги с удивительными названиями, вроде «Меморий артиллерийских» или «Омидровых наставлений».

Когда шестидесятилетний Горький выходил к нам из своего кабинета в Москве или в Крыму, выходил всего на несколько минут для того, чтобы прочесть вслух глухо выходящим голосом, сильно ударяя на «о», какое-нибудь особенно замечательное место в рукописи или в книге, он был тем же юношей, который полтора года назад в казанской пекарне жадно перерывал странички белыми от муки пальцами.

Он читал, и голос у него дрожал от ласкового волнения.

Способный литератор, серьезный писатель, — говорил он, и было ясно, что

эти слова звучат для него попрежнему, как в годы его юности, весело и свежо.

И это после сорока лет литературной деятельности!

Вот он сидит у себя за высоким и просторным письменным столом. На этом столе в боевом порядке разложены книги и рукописи, приготовлены оточенные карандаши и стволы ручек.

Это — настоящее «рабочее место» писателя.

Но вот Горький встает из-за стола. Как он мало похож на кабинетного человека! Он открывает окно, и тут оказывается, что он может определить по голосу любую птицу и знает, какую погоду предвещает облака на горизонте. Он берет в руки какую-нибудь вещь, — и она будто чувствует, что лежит на ладони у мастера, центнера, знающего толк в вещах. До последних лет руки этого человека сохраняли память о простом физическом труде.

Горький и в поздние свои годы не терял подвижности, гибкости. У него была та свобода движений, которая приобретается людьми, много на своем веку поработавшими и много побродившими по свету.

Помню, в Неаполитанском музее коренястые, с красными загарками туресты-американцы — должны быть, «близнецами» средней руки — с любопытством оглядывались на высокого, неторопливого человека, который ходил по залам уверенно, как у себя дома, не нуждаясь в указаниях услужливых гидов.

Он был очень заметен.

«Кто это — с усам?» — спрашивали туристы вполголоса.

«О, это Максим Горьки», — отвечали музейные гиды не без гордости, как будто говорили об одном из лучших своих экспонатом. — Он у нас часто бывает!»

— Горьки? О!..

И все глаза с невольным уважением проходили этого «снежгородского человека», который ходил по музею от фрески к фреске, сохраняя олимпийское достоинство, мало думая о себе и о тех, кто жадно следил за каждым его движением.

В Крыму, в Москве, в Горках — везде Алексей Максимович оставался одним и

тем же. Где был он — там говорили о политике, о литературе, о науке, как о самых близких и насущных предметах; туда стеклись литераторы с рукописями, толстыми и тонкими. И так на протяжении десятков лет.

Однако я никогда не знал человека, который менялся бы с годами — и внутренне и внешне — больше, чем Горький.

Почти каждый, кто знакомился с ним, удивленно спрашивал себя: «Да он ли это?» Так подумал и я, впервые увидев его тридцать четыре года тому назад.

Память еще рисовала его молодым, хмурым, задумчивым, в черной или белой кофортке, озабоченной унылым решением. Криво длинных, прямых волос нависок пересекать молодой лоб. Глаза смотрят пылливо и дерзко. Таким был он на тогдашних снимках.

Да он и не может быть иным — автор «Макара Чудри» и «Челкаша», «Старухи Изергиль» и «Мальбы» — этих полурусско-полустихов, торжественных и грубых, в которых привычны для литературы комичная обстановка заменена огромными просторами степей и моря, а в качестве действующих лиц изображены не чиновники казенной палаты и не сборные прототипы, а гущины, воры или какие-то фантастические герои, вроде Давно.. — неизвестного рода, неизвестного племени, неизвестного, каких времен.

В своем сознании не было еще в ту пору другого Горького, кроме того, чье имя было связано с «Песней о буревестнике», — первой сигнальной ракетой приближающихся революционных битв.

Я ожидал увидеть Горького-поэта, Горького-романтика.

Это было летом 1904 года в Петрополе, у В. В. Стасова. В воротах подлетала пыльная таратайка. В комнату вошел рослый и блондин человек, лет тридцати пяти, похожий на железнодорожного мастера или на десятника в постройке. Выгляделись скулы, выпяленные щеки. Волосы острижены коротко, и только на лоб падает широкая, густая прядь. Это Горький. На него взгляду застывает сухонная куртка, сапоги с высокими голенищами.

В этот день он был не слишком разговорчив, но внимательно слушал, что го-

Из воспоминаний *

Прошел год, и как-то не верится, что нет его среди нас, этого замечательного человека, нет великого учителя, который чужое творчество радостно приветствовал, гордился им и любил, как свое.

Вот письмо, в котором он пишет о романе «Разин Степан»:

«Дорогой друг Алексей Павлович, я прочтал первый том с наслаждением еще большим, чем испытывал, читая «Разина» отрывками, в журнале, и еще более окрепла моя уверенность в том, что Вы создали произведение совершенно исключительное. Такой поистине исторической книги в литературе нашей еще не было, — так говорит мне мое чувство. Если б Вы — или кто другой — предложили мне «мотивировать» и «доказать» это мое утверждение от ума, я бы этого не сумел сделать потому же, почему современники построения московского Кремля не могли словами изобразить красоту его. Вы понимаете? Вас не должно ни удивлять, ни огорчать то, что Ваши современники, вероятно, далеко не все почувствуют и, еще больше, не все поймут красоту и мощь «Разина».

Говорить Вам о том, «что худо» в «Разине», я не могу, ибо ничего такого не вижу. Людей, которые говорят Вам о «растанутости», о «повторениях» — не понимаю. Для меня Ваша книга вся, как старинная риза на иконе богематери, нельзя вынуть ни одной басерки. Может быть я преувеличиваю в объяснении красоток книги, но — пусть это останется со мной. Да, оставьте меня с правдиком. А впрочем, никакая эстетически канцелярская критика «Разина» вообще смутит меня не может.

Разрешите указать на несколько ошибок, моих замечаний: На стр. 79 — «Чобак» вместо «снопка под стражей»; «Лейка». Выходит «Лейка, лейка». В низовых Волге чобак иногда означают «шмак» или «рыбей». Курт крупнее сельди.

108. «Пуню камыша» — не ладное слово «пуню» камыша.

122. «От ларя с сараем» — непонятно и трудно читается.

125. «Муки всех сортов» — не в tone языка.

157. «Завязал опорки», — не опорки ли? «Куски мака» — очевидно «сбонна мака», макаовое зерно, тертое с пастой и сгущенное до плотности кирпичка. Мелочислек таких Вы найдете десятка два и надо бы в следующих изданиях устранить их. Ваша книга не терпит никаких описок.

Дорогой друг — крепко жму Вашу руку, так рад за Вас! Но почему Вы написали на книге «примите мой последний труд»? Вы — устали? Вас раздражают критики? От усталости Вы отдохнете, а на критиков не надобно обращать внимания. Зачем они Вам? Ваша книга найдет себе дорогу.

Нет, Вам придется писать еще что-то такое же монументальное, как Разин. Вы уж «обременены».

Обнимаю Вас, дорогой А. П. Будьте здоровым!

15.I.29. А. Пешков».

Я любил и боялся его. Помню, как в 1917 году принес ему повесть «На лебяжьих озерах». Боялся того, что в повести описан барин; ни я хотел показать, как износился буржуазный человек, владелец многих богатств, как он от надоевшей ему культуры бежит в леса и тут на просторе лесном блуждает, подобен мертвецу. Он ходит по кладбищам, подкупает сторожей и сожительствует с мертвецами. Я знал, что Алексей Максимович любит изображение — охотник, пыжик, дутой — делополумный, не верящий ни до чего старинного, борючий предсказания и стоит у мощей в часовне. Третий — белый как торжанин, пришедший на родину, чтоб мстить всему, а главное — урядникам и иному начальству, ради которых он и был сослан. «Вот, думаю, задеет мне Алексей Максимович!» Я знал, что он прочтет все

до конца и даже где пропущены вычитки, — поставит. К удивлению моему, Алексей Максимович, прочтав страшную повесть, не порицал меня ни мало.

Он заговорил так:

«В наше время с таким напряжением писать трудно! (наглядно же революция), и тут же сказал: «Париши-горуку надо дать отдельный портрет.. в каком месте сделать это — найдете».

Над повестью я работал больше года; он оценил мой усидчивый труд и видел, что все детали в повести сделаны старательно, но когда, — а это было не так давно, — я, по торопливости или недостаточному вниманию к материалу, послал ему отрывки рабочих очерков (под названием «Мастеровые») для журнала «Колхозник», тоже получил вполне по заслугам, и Алексей Максимович прислал мне вот такое сердитое письмо:

«Дорогой Алексей Павлович, «Мастеровые» для «Колхозника» — не пригодны. Ваша манера писать почти сплошным диалогом оказалась — по моему мнению — в данном случае вредной для материала, который явно и настоятельно требует матерья описательного, картинности, которая подчеркивала бы драматическое положение учеников и ярче показала бы характеры мастеровых и хозяина.

Диалогическая форма скрадывает все это, а обилие местных «речений» делает диалог труднее понимаемым. И вообще вещь «бурбосная», но еще не написана. И все происходит в «пустом пространстве»: нет ни города, ни дома, ни мастерской».

Особенно жаль, что не написал балла и сплетка. Читателем журнала «Колхозник» мы хотели бы давать вещи простые, ясные и — возбуждающие воображение. Не хочется давать и «отрывки», если они не являются иллюстрациями к тексту каких-то статей.

Не сердитесь на меня. Будьте здоровы!

10.X.34. А. Пешков».

Помню, в 1916 году я зашел в журнал «Летопись», принес рассказ «Бегун»; за ответом пошел на квартиру. Горький жил на Кронверкском (теперь улица его имени). Алексей Максимович, сидя за своим большим столом, прикрывая рукописью рукой, сказал: «Ругать буду!» — потом прибавил: «но и хвалить буду!»

Я помолчал и думал: «За что ругать?» Он продолжал:

«Как же так? Вот Бегун упал, замочил опилки, потом встретился с охотниками, проспал у них в избе, а все же остался без опилчек.. Откуда же у него потом появились опилки? Он пришел в избу уже один и развел огонь! Надо это переделать. Больше опилок не нашен .. переделайте. Рассказ пойдет: хороший — в конце концов, как он, падай, щелкнув головой о коронку..»

В том же году я принес Алексею Максимовичу свою повесть «Сувенир». В повести главный герой — полотор, он же охотничий и Дон-Жуан. Прочта, Алексей Максимович сказал:

«У полотора ноги должны двигаться не как у всех — профессия такая, у него должны быть особенные ноги.. Пейзажа мало, все быт. Вот например ваш герой «князь Тым» идет по улице и тут не обойдетесь — пейзаж должен быть. В конце тоже..»

Я переделал ноги полотору и пейзаж написал бредовой, соответствующий ощущению замерзающего человека, да еще и философа. Также написал и заключительный, где больше окна стерегуте смотрят на реку под стук молотков и молотов..

«Хорошо сделано, — сказал Алексей Максимович, — но судю тут есть что-то от Достоевского? Явно ничего найти нельзя. Больше опилок не нашен .. переделайте. Рассказ пойдет: хороший — в конце концов, как он, падай, щелкнув головой о коронку..»

Он, держа рукопись, не клал на стол; когда он клал ее, то, прикрыв своей большой рукой, почти всегда говорил: «Веру!»

«Я ее, Алексей Максимович, помешу не у вас. Как всегда, принес покажет, что в ней есть: худо или хорошо?»

литературную форму, и он со всей смелостью брался за публицистическую статью или памфлет, то за роман, драматические сценки, сказки, очерки, воспоминания, литературные портреты.

И во всем этом бесконечном многообразии жанров, начиная с фельетонов Игуляна Хламыди и кончая четвертой апологией «Клим Самгина», он был в сущности один и тот же. Все, что он писал, говорил и делал, было пронизано требовательностью к людям и к жизни, уверенностью, что жизнь должна и может стать справедливой, чистой и умной. В этом оптимистическом отношении Горького к жизни не было никакой идилии. Его оптимизм куплен очень дорогой ценой и потому дорого стоит. Сам Горький говорил, что в юности ему было «трудно и опасно жить» («Мои университеты»). На каждом шагу подстерегали его опасности: он мог помереть с голоду, спиться с крута, а то и стать вором. («В часы голода, злости и тоски я чувствовал себя вполне способным на преступление не только против «священного института собственности». «Мои университеты»).

А когда он вытупался, наконец, из сетей всех этих простых опасностей, его поджидали другие, более сложные: интеллектуальная среда, с которой он встретился, грозил ему путанной человеческих отношений и философской мешаниной, в которой так легко было заблудиться.

Но Горький не ленил и не заблудился.

Чуть ли не с отроческих лет он чувствовал и понимал, что жизнь надо переделывать, и сумел выбрать тот единственный путь, который велел к переустройке мира.

Он стал величайшим среди всех писателей бойцом за новую культуру, за коммунизм.

О том, чего требовал Горький от жизни, за что в ней он боролся, что любил и что ненавидел, — он говорил много и прямо.

Но, быть может, ничто не удалось ему передать так глубоко и нежно самую сущность своего отношения к жизни, как это сделано им в небольшом рассказе «Рождение человека». За эту тему в литературе не раз бралась больше и сильные мастера.

Вот и у Мопассана есть рассказ о рождении человека. Называется он «В вагоне». Я напомню его кратко.

Три дамы-аристократки поручили молодому, скромному аббату привести к ним в Париже на летние каникулы их семилетнего сына. Больше всего матери боялся

возможных в дороге соблазнительных встреч, которые могли бы дурно повлиять на нравственность мальчика. Но, увы, избежать рискованных впечатлений путешественникам не удалось. Их поездка по вагону началась громко стонать. «Она почти сидела с ливаном и, упершись в него руками, с остановившимся взглядом, с перекошенным лицом, повторяла:
О, боже мой, боже мой!
Аббат бросился к ней.
— Сударыня.. Сударыня, что с вами? Она с трудом проговорила:
— Кажется.. Кажется.. Я рожаю..»

Смущенный аббат приказал своим воспитанникам смотреть в окно, а сам, засучив рукава рыси, принялся исполнять обязанности акушера..

В рассказе Горького ребенок тоже рождается в пути.

В кустах, у моря, молодая баба-орлонка «наивная, как береста на огне, шлепала руками по земле вокруг себя и, вырывая блестящую траву, все хотела заглянуть ее в рот себе, опуская землю страшное пекельное кровавое лицо, с одичалыми, вальными кровью глазами..»

Был случайным спутник (автор рассказа) был единственным человеком, который мог оказать ей помощь. Он «сбегал к морю, засучил рукава, вымыл руки, вернулся и — стал акушером».

Рассказ Гонд де Мопассана — это превосходный анекдот, но только веселый, но и социально-острый.

Рассказ Горького — целая поэма о рождении человека. Этот рассказ до того реалистичен, что читать его трудно и даже мучительно. Но, пожалуй, во всей мировой литературе — в стихах и в прозе — вы не найдете такой торжественной и умилительной радости, какая пронизывает эти восемь страничек.

«...Новый житель земли русской, человек неизвестной судьбы, лежал на руках у меня, солдадю сопел..» — пишет Горький.

Быть может, никогда нового человека на земле не встретил более нежно, приветливо и гордо, чем встретил маленького орлонка случайный прохожий — парень с котомкой за плечами, будущий Максим Горький.

Алексей Максимович прожил большую жизнь и много сделал на своем веку. Но все дни его жизни и все его труды — нечто единое. Основа этого единства — мужественная и деятельная любовь к человеку.

ПЛАМЕННЫЙ БОРЕЦ ПРОТИВ ФАШИЗМА

Цыц!

1927 год. Год десятый героической стройки социализма. Буржуазная и безыгрантная печать надрыгается в злопыхательстве и клевете на Советский Союз.

Верный сын своего народа, революционный борец, замечательный мастер русского художественного слова Алексей Максимович выступает пламенным защитником молодого социалистического государства. Всей силой своего мощного голоса он бросает в лагерь врагов презрительное: Цыц!

Былые народолюбцы сделали строителя новой жизни мишенью, по которой неутомимо стреляют грязью и клеветой. Порохом для этой бесподобной забавы их снабжает пресса Союза Советов, беспощадно изображая и изобличая зараженность своих людей болезнями старого быта. В газетах Союза ежедневно печатается значительное количество материала, рисующего бытовое свинство. Это — дело почтенное и необходимое. Но

«свинство» служит вкуснейшей пищей для людей, уже негодных к жизни. Публицисты и фельетонисты эмиграции, смачивая слюною злорадства, пережевывают с маннакальным сладострадием это свинство и отрыгивают свинство снова в жизнь. Тут, конечно, действует природа и привычка. Это такие люди, которым для наслаждения жизнью необходимо видеть ее грязной, только при этом условии они видят себя белыми. Во дни реакции они любимо цитировали стихок: «Чем ночь темней — тем звезды ярче», полагая, что звезды — это они и есть. Но они — просто люди, забравшие историю, осужденные на горестную жизнь в муках бессильной любви. Кричат они и плюют только потому, что больше им нечего делать. Но история уже сказала им свое властное: — Цыц!

(Из статьи «Десять лет») 1927 год

Они готовят войну!

Горький ненавидит капиталистическое насилие, разбойничий гнет, тупое ханжество и мракобесие. Он беспощаден к врагам пролетарской революции и к их лакеям — «механическим гражданам». Громя этих выродков капиталистического хищничества в 1928 году, он предупреждает трудящихся мира: ОНИ ГОТОВЯТ ВОЙНУ!

Ни один честный человек не может, не имеет права называть разумной и культурной жизнью, в которой возможны такие факты, как война 1914—1918 гг. В годы этой войны было уничтожено несколько десятков миллионов рабочих и крестьян, разрушено только в одной Франции 300 тысяч домов, и только одна Германия истратила на уничтожение людей свыше 40 миллионов тонн металла. Если в 1913 году политическая власть была в руках рабочих и крестьян, — миллиарды рублей, истраченные капиталистами России на убийство своих и немецких рабочих людей, на разорение Восточной Пруссии, были бы истрачены так, как они тратятся теперь: на развитие сельского хозяйства, промышленности, транспорта, на культурное развитие трудового народа. Чего ради ватага была эта гнуснейшая война? Ради интересов небольшой кучки тупоголовых миллионеров, ради удовлетворения их жадности, их невысказанного стремления к роскоши. И вот — ссора небольшой кучки хищников и паразитов приводит к взаимному истреблению рабо-

чих людей, одинаково несчастных во всех странах, людей, у которых в одну минуту тот же враг — капиталист. Разумеется, это всем понятно, это — «азбучные истины», но я не виноват в том, что их надобно напоминать. А напоминать их надо потому, что капиталисты снова хотят заработать на крови трудового народа, снова готовятся послать миллионы рабочих и крестьян на взаимное истребление. Эта новая война будет еще более кровавой и разрушительной. Снова будут превращать города в груды мусора, снова испортят, разорят, отравят трупами сотни и тысячи квадратных километров плодородной земли, вырубят и выжгут леса. А ведь все, что построено на земле, принадлежит тем, кто строил, а не тем, кто заплатил за работу построения деньгами, нажитыми на труде рабочих и крестьян. Все на земле создается их трудом, и главное несчастье мира, источник всех его страданий, преступлений и горя трудовых людей в том, что крестьяне и рабочие в массе своей все еще слепы, все еще не понимают по слепоте своей, что, если они крепко, дружно объединятся, — им легко будет сбросить со своей шеи капитализм, которые давно уже перестали быть людьми, а становятся все более хищными и кровожадными животными.

(Из статьи «Еще о механических гражданах») 1928 год

Враг жаден и хитер!

Фашизм для Горького — наиболее яркое оплотивление капиталистической мерзости. Горький не устает разоблачать подготовку фашистами новой мировой войны. Он разоблачает, он предупреждает: ВРАГ ЖАДЕН И ХИТЕР!

...сейчас десятки и сотни тысяч рабочих на фабриках Европы делают пушки, ружья, взрывчатые вещества и ядовитые газы, — все это для того, чтоб убивать друг друга. Для того, для чего необходимо взаимное истребление рабочих народом самого себя. Для нескольких десятков тысяч очень богатых и совершенно безответственных людей, которые «здравят миром», т. е. — живут чужим трудом, чужой кровью, заражая трудовой народ — как виш тифом — болезнями жадности, зависти и вражды.

Этой кучке морально тупых, выродившихся людей, которые опираясь на беззастенчивую и слепую рабочую массу, правят миром, советская власть предлагала два плана разоружения. В первом плане говорилось о полном разоружении армии, предлагалось закрыть все фабрики, изготовляющие все необходимое для массового убийства людей — убийства, которое почему-то не считается преступлением. Если-б это предложение было принято правительствами Европы, оно освободило бы миллиарды золота, которые затрачиваются на истребление рабочих людей, вооруженных друг против друга. Сотни миллиардов пошли бы на облегчение труда, на создание более легких условий жизни, на развитие культуры, на сельское хозяйство. Люди, командующие отпорительной действительностью, люди, овладевшие эту тяжелую, позорную жизнь, полную непримиримых противоречий, вражды, злобы, преступлений, — люди эти, конечно, отказались разоружиться.

Отказались они и от второго предложения — разоружиться не вполне, а частично. Этим отказом они признали, что без войны, без массового убийства, они не могут суще-

ствовать. Этим отказом они признали, что основой их власти служат сотни тысяч вооруженных рабочих и крестьян, физическая сила которых — единственный источник власти и богатства буржуазии. Она грабит рабочих людей и заставляет ограбленных их защищать ее. Вот как просто основано господство буржуазии. Надо сказать, что те люди, которые, позволяя грабить себя, защищают грабителей с оружием в руках и не падают себя, — тоже... простаки. Вообще, — все возмутительно просто, вполне понятно, непонятно только одно: почему трудовые массы народа так медленно понимают мерзость этой простоты?

Представьте себе такую сцену: поймав привязанного убийцу, его поймали добродушные люди и говорят ему: «Брось нож, перестань убивать людей, нехорошо это». «Не могу», — отвечает он. — «Если я перестану убивать, — мне жить нечем будет».

Этот простенький ответ и есть ответ правительства Европы на предложение советской власти, сделанное М. М. Литвиновым. И ответ так просто, ясно, буржуазия Европы усердно и непрерывно натаскивает ножи против рабочей-крестьянской власти Союза Советов...

(Из статьи «О Красной армии») 1929 год

«Если враг не сдастся, — его уничтожат!»

Великому гуманисту Горькому принадлежит фраза: «Человек — венец природы». Но Горький непримирим к врагам революции, в которых он не признает ничего человеческого. Неугасимой ненавистью дышат строки его статьи, направленной против 48-ми вредителей — организаторов вредительства в пищевой промышленности, на которых он не только, как на внутренних врагов, но и как на агентов международного капитала. Великий гуманист заявляет: «ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ, — ЕГО УНИЧТОЖАЮТ!»

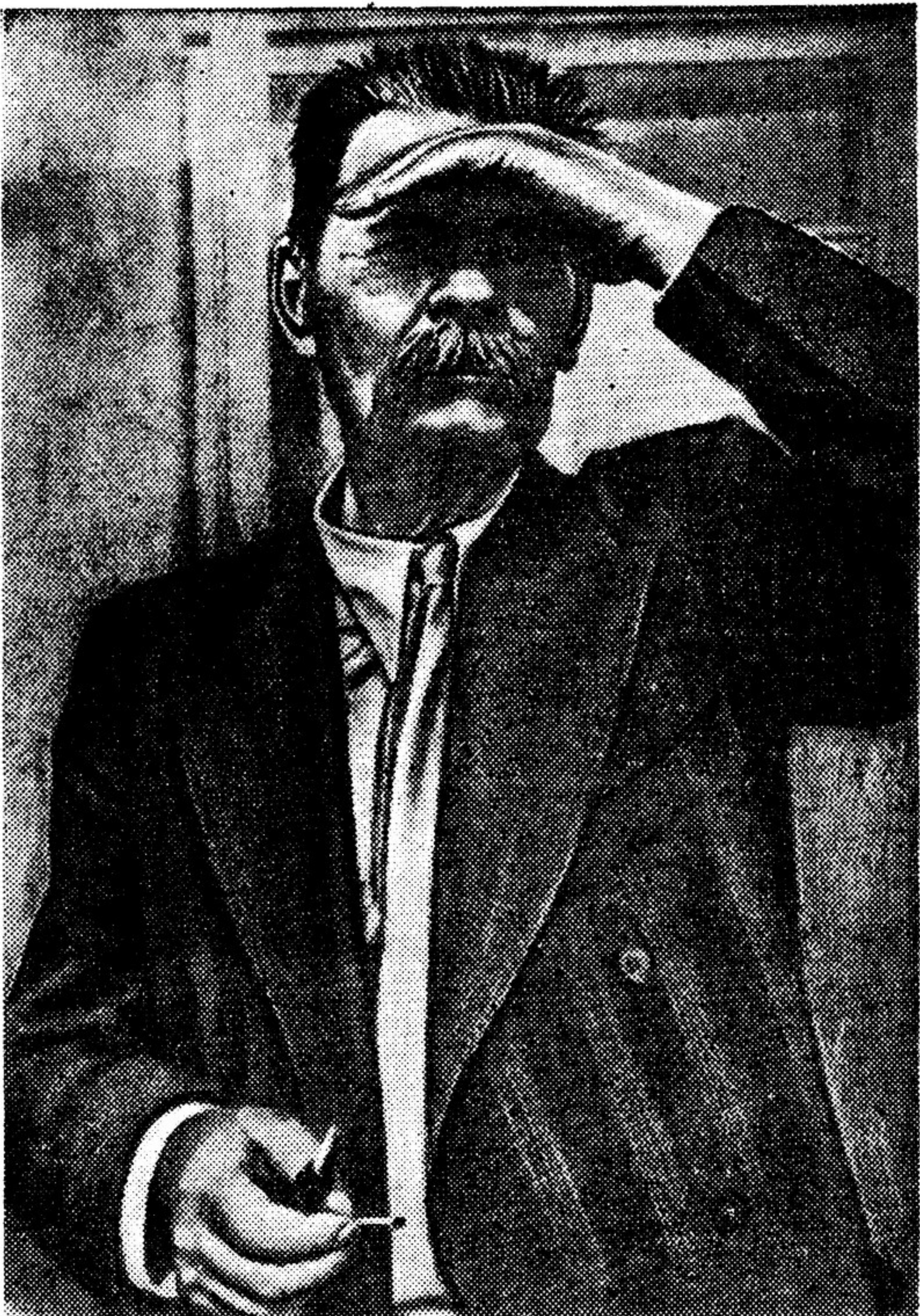
...Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевую голод, кудалы терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными злодеяниями, — против нас все, что отжило сроки, отведенные ему историей, и это зает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдастся, — его истребляют.

Изне против творческой работы Союза Советов — европейский капитал. Он тоже отжил свой срок и обречен на гибель. Но он все еще хочет и все еще имеет силы сопротивляться неизбежному. Он связан с теми предателями, которые вредительствуют внутри Союза, и они, в меру своей злощности, помогают его намерениям разбойничать.

Великому гуманисту Горькому принадлежит фраза: «Человек — венец природы». Но Горький непримирим к врагам революции, в которых он не признает ничего человеческого. Неугасимой ненавистью дышат строки его статьи, направленной против 48-ми вредителей — организаторов вредительства в пищевой промышленности, на которых он не только, как на внутренних врагов, но и как на агентов международного капитала. Великий гуманист заявляет: «ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ, — ЕГО УНИЧТОЖАЮТ!»

Великому гуманисту Горькому принадлежит фраза: «Человек — венец природы». Но Горький непримирим к врагам революции, в которых он не признает ничего человеческого. Неугасимой ненавистью дышат строки его статьи, направленной против 48-ми вредителей — организаторов вредительства в пищевой промышленности, на которых он не только, как на внутренних врагов, но и как на агентов международного капитала. Великий гуманист заявляет: «ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ, — ЕГО УНИЧТОЖАЮТ!»

Великому гуманисту Горькому принадлежит фраза: «Человек — венец природы». Но Горький непримирим к врагам революции, в которых он не признает ничего человеческого. Неугасимой ненавистью дышат строки его статьи, направленной против 48-ми вредителей — организаторов вредительства в пищевой промышленности, на которых он не только, как на внутренних врагов, но и как на агентов международного капитала. Великий гуманист заявляет: «ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ, — ЕГО УНИЧТОЖАЮТ!»

Мы победим!

Своим талантом, своей неутомимой страстной проповедью, обращенной к людям труда, Горький выступал, как подлинный трибун коммунизма, защитник Советского Союза — единственного оплота мира и культуры. Но если грянет война: МЫ ПОБЕДИМ.

Мне кажется, что глупость и безумие должны иметь свои границы, — поэтому я с трудом допускаю возможность войны. Мир капиталистов, мир хищников уже лопнул до предельных размеров...

Я потому сомневаюсь в возможности войны, что мне думается: пролетариат Европы, работая на военную промышленность, не может не понимать, что он принимает невольное участие в подготовке войны, на которую в первую голову погонят именно рабочих и крестьян. Трудно поверить, что рабочие и крестьяне еще раз позволят так нагло и ничинчо обмануть их, как были они обмануты в 1914 году. Трудно представить, что они пойдут на самоубийство для охраны жизни и укрепления власти своих врагов.

Известно, что надо делать для того, чтобы ежедневно, ежедневно разоблачать перед пролетариатом полную ложь его врагов и

(Из статьи «Рабочие и крестьяне не позволяют себя обмануть») 1931 год

«С кем вы, мастера культуры?»

Буржуа на всех языках призывают «возвратить науку», обвиняют в безделье народов цивилизацию. Алексей Максимович один из первых возвышал свой гневный голос протеста против посягательства озверевшего буржуа. Он обращается к инженерам, научным работникам, писателям, музыкантам, художникам: «С КЕМ ВЫ, МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ?»

...Нет, проповедь любви бедного к богатому, рабочего к хозяину — не мое ремесло. Я не способен утешать. Я слишком давно и хорошо знаю, что весь мир живет в атмосфере ненависти, я вижу, что она становится все гуще, активнее, благотворней.

Вам, «гуманистам», которые хотите быть практиками, пора понять, что в мире действуют две ненависти: одна возникла среди хищников на почве их конкуренции между собой, а также из чувства страха перед будущим, которое грозит хищникам неизбежной гибелью; другая — ненависть пролетариата — возникает из его отчуждения к действительности и все более ярко ощущается его сознанием права на власть. В той силе, до которой обе эти ненависти развилась, ничто и никто не может предотвратить их, и ничто, кроме неизбежного, кровавого столкновения их физических, классовых носителей, ничто, кроме победы пролетариата, не освободит мир от ненависти...

Литература Европы и Америки полна описаниями бесподобной глечи дарованиях людей. История буржуазии — это история ее духовного оплота. Какими талантами может гордиться она в наше время? Нечем ей гордиться, кроме различных Гитлеров, кроме пигмеев, больших маньяков величия.

Народы Союза Советов вступают в эпоху возрождения. Октябрьская революция вызвала к жизни десятки тысяч талантливых людей, но их все еще мало для осуществления целей, которые поставил перед собой рабочий класс. В Союзе Советов нет безработных, и ввиду, во всех областях приложения человеческой энергии нехватает сил, хотя они растут быстро, как никогда и нигде не росли.

Вы, интеллигенты, «мастера культуры», должны бы понять, что рабочий класс, взяв в свои руки политическую власть, открыл перед вами широчайшие возможности культурного творчества.

Посмотрите, какой суровый урок дала история русским интеллигентам: они не пошли со своим рабочим народом и вот разлагаются в бессильной злобе, гниют в эмиграции. Скоро они все поголовно вымрут, оставив память о себе, как о предателях...

(Из статьи «С кем вы, мастера культуры?») 1932 год

Не отрицая за врагом права на трусость

Против Горького выступали сомнительным строем буржуазные либералы, меньшевики, реакционеры всех видов, министры, различного рода словоблуды. Они болели Горького — пламенного борца, доблестного гражданина, верного сына народа.

Вот почему в 1932 году трусливый враг побоялся пустить Горького на международный антивоенный конгресс. И Горький сказал: НЕ ОТРИЦАЮ ЗА ВРАГОМ ПРАВА НА ТРУСОСТЬ.

От лица русской делегации горячо приветствую конгресс. Желаю членам конгресса полного и глубокого единения в их отчаятельном отношении к империализму, организаторам новой международной борьбы. Сожалею, что силой осторожности правительства Голландии я лишен права непосредственного участия в конгрессе. Я не отрицаю за врагом его права на трусость, но в данном случае трусость кажется мне непонятной. Пресса Голландии утверждает, что конгресс — «дело рук Москвы». Мне кажется, что утверждению этому противоречит факт участия в конгрессе нескольких сотен людей 2-го Интернационала. Затем: вероятно большинство делегатов привлечено в Амстердам их чувством самозащиты, их биологической антипатией к затеваемой капиталистами войне, а вовсе не социальной симпатией к Союзу Советов. Не думаю, чтоб эта часть делегатов была образована устранением советской делегации той страны, которая решительно предлагала полное разоружение...

Отрицаю за врагом его права на трусость, но в данном случае трусость кажется мне непонятной. Пресса Голландии утверждает, что конгресс — «дело рук Москвы». Мне кажется, что утверждению этому противоречит факт участия в конгрессе нескольких сотен людей 2-го Интернационала. Затем: вероятно большинство делегатов привлечено в Амстердам их чувством самозащиты, их биологической антипатией к затеваемой капиталистами войне, а вовсе не социальной симпатией к Союзу Советов. Не думаю, чтоб эта часть делегатов была образована устранением советской делегации той страны, которая решительно предлагала полное разоружение...

(Из приветствия А. М. Горького Амстердамскому антивоенному конгрессу) 1932 год

«Солдатские идеи»

Разоблачение «зверинной морды капитализма» и выявление в борьбе против него ведущей роли рабочего класса стало творческим делом Горького, делом всей его литературной жизни. Он не устает разъяснять и разоблачать перед рабочим классом всего мира сущность фашизма.

Недавно в Берлине был парад «Стальной каски» — «Штаггеля», и председатель этой организации Бельте, фабрикант ликеров, сказал: «Когда Штаггель марширует, это означает возрождение германского солдатского духа. Солдатские идеи и солдатские дела вновь нашли себе понимание в Германии»...

Легко представить себе, что такое «солдатские дела»: кровавые ужасы этих «дел» 14—18 гг. еще не совсем забыты, как это ясно по настроению широких масс, отраженному антивоенным конгрессом в Амстердаме. Не забыты и ужасы полной европейской интервенции в Союзе Советов. Недавно о солдатских «делах» напомнил нам разрушение японцами Чапы. Вообще о «солдатских делах» нам напоминают почти непрерывно...

Фабрикант ликеров врет: у рядовых солдат никаких «солдатских идей» не имеется. Но так как в армиях империализма не мало пролетариев, то, разумеется, пролетарии и в казармах делают свое, пролетарское, исторически необходимое дело, и солдаты буржуазии начинают рассуждать.

В мире есть только одна армия, бойцы которой имеют право и обязаны рассуждать, — это Красная, наша армия. Ее боен не говорят «не могу знать», он имеет право и должен знать все или как можно больше. И он знает главное — кто и где его враг, знает, что этот враг — собственный, и хочет жить чужим трудом, жить только для себя, хищнической жизнью паука. Боен Красной армии — гражданин своей страны, хозяин, страж ее и строитель ее будущего.

На вопрос: «Из какого класса больше всего рекрутируются члены «Стальной каски», мне отвечали: «Это главным образом дети убитых на войне 14—18 гг., это мстители за отцов своих и за поруганное отечество». Во Франции тоже, конечно, очень много таких детей, и правительства всех стран, участники общепролетарской войны, воспитывают «мстителей», чтоб ударить их лбами друг о друга. Насукаывая «сирот» войны на таких же сирот, прихвостни капитала, прожавшие души, мотыльки печати и разбойники пера скрывают от молодежи простую, ясную правду: в убийстве виновна не столько рука физического убийцы, как гнусная голова полстрекетеля к убийству...

Империализм, под гнетом которого погибают миллионы народа, Муссолини приветствует и восхваляет войну, как высшее выражение всех человеческих способностей, — об этом раньше его кричал «футурист» Маринетти, и это маннакальная идея военных писателей. Война, по их мнению, делает людей «более благородными», с чем едва ли согласятся побежденные на войне. Никто и никогда не слышал, чтобы победивший сказал победителю с восторгом или с удивлением: ах, как ты меня благородно изувечил и ограбил!.. Было бы весьма и даже слышно оригинально назвать благородными такие действия интервенции в России, как, например, расстрел англичанами 26 баккинских комиссаров, кражу чехами золотого запаса в Казани или сожжение французами и греками в день их эвакуации из Херсона двух тысяч мирных обывателей, которых благодарные войны заперли в амбарах пристани и похотили. Решительно ничего не говорит о «благородстве» военных и военных генерал Гревс, командовавший в Сибирии отрядом американских интервенций. Можно еще упомянуть о грабеже немцев на Украине, можно напомнить многие, чем «культурная» Европа опозорила себя...

Не согласится с фашистами и те миллионы победивших и победителей, которые теперь лишены права работать и умирают с голода. Фашизм Италии мечтает о власти Рима над миром. Гитлер проповедует, что фашизм «возвращает Европу нам всем человечеством», в Японии есть человек, который утверждает, что скоро вся белая раса окажется во власти желтой буржуазии, империализм Франции хотел бы спрятать в свой карман всю Европу, — и нет слов, чтобы выразить, до чего все это идиотски гнусно, как это бессмысленно и противно. Муссолини находит, что никогда еще «варов» не жаждали так страстно сильной власти...

Совершенно ясно, что Европой, ее трудовым народом, правят люди обезумевшие, что нет преступления, на которое они не были бы способны, нет такого количества крови, которое они побоялись бы пролить. Для того, чтобы дожить до этого бредя, необходимо было «перезреть» или «нажить» Гете и Канта. Шиллера и Фихте и еще добрую сотню крупнейших мыслителей, поэтов, творцов музыки, живописи. Культура буржуазии остается неприспособленной в библиотеках и музеях, именно неприспособленной. А быт буржуазии становится все более грязным, ужим, политика — все более салчески бесчеловечной. Миром за пределами Союза Советов командуют сумасшедшие.

(Из статьи «О солдатских идеях») 1932 год

За торжество пролетарской культуры

Горький всю свою жизнь боролся за торжество пролетарской культуры.

В процессе гниющего распада командующего класса современной Европы весьма странную и печальную роль играет буржуазная интеллигенция. Разумеется: «Свой своему» — поневоле брат, и, защищая нажившую себя «культуру», интеллигенция защищает власть своего класса...

В большинстве своем эти интеллигенты — пролетарии, и они самоубийственно потаивают с собой ради укрепления власти собственников. После этого десятилетия интеллигентов написали книги, в которых, изобразив безумие войны, проклами, ее. Ныне буржуа готовится повторить международную войну, в размерах еще более широких...

«Первенство экономики» предельно и полностью выражено в грубейшем, зоологическом материализме собственников. Отравляющий «дух» этого хищного материализма жарких, двуногих пауков ныне уже не прекращается истерическими лохмотьями религии, философии. Фашизм и расовая теория — ничинские обнаженная проповедь вооруженного грабежа. Вот он «дух» современной буржуазной «культуры», отвратительный, позорный дух. И мы видим, что честные интеллигенты, боясь захлопнуться в нем, бегут из страны, где он сегодня выдран наиболее нагло, густо, а завтра — так же хищнически нагло займет о себе и там, куда он бегут, — заявят, если это позволяет пролетариат. Совершенно естественно встает вопрос: какое право на власть имеет современная буржуазия, уже отрицающая основы своей культуры, разрушающая основы культуры, разрушающая основы хозяйства, создающая все более ужасающую безработицу, бесстыдно грабящая для целей войны крестьян, рабочих, колонии, — какое право существовать и властвовать имеет класс бесмысленно и истощающий рабочую и творческую энергию всего мира, класс количественно ничтожный, качественно порочный и преступный? И этот класс держит в своих кровавых руках почти два миллиарда европейских, китайских, индусских, африканских, крестьян и рабочих. Мрачная фантастика этого факта будет особенно ясна, если мы поставим рядом с ним другой факт.

Вся масса рабочих, крестьян возбуждается и воспитывается государственно необходимыми трудами, равно полезными для каждой рабочей единицы, и где вся масса трудовой энергии выливается в разнообразную работу создания новых условий жизни, т. е. новой социалистической культуры.

Где пролетариат, следуя учению Маркса — Ленина и руководимый Иосифом Сталиным, освободил крестьянство от иждивенческой «власти земли», от позорного подчинения капиталам природы, от уродующего влияния собственности, где пролетариат сделал собственника коллективистом.

Где пролетариат, чернорабочий буржуазного общества, доказывает, что, будучи вооружен знаниями, он вполне способен быть отличным мастером культуры и творцом ее...

Гуманизм революционного пролетариата призывал. Он не говорит громких и сладких слов о любви к людям. Его цель: освободить пролетариат всего мира от позорного, кровавого, безумного гнета капитализма, научить людей не считать себя товаром, который продается-покупается, смыть с фабриканы золота и роскоши идиотизм. Капитализм насилует мир, как хищный старик, молотку, зловонную женщину, оплодотворить ее он уже не может ничем, кроме старческих болезней. Задача пролетарского гуманизма не требует юридических изъяснений и любви, — она требует сознания каждым рабочим его исторического долга, его права на власть, его революционной активности, особенно необходимой накануне новой войны, затеваемой капиталистами против него, — в конечном счете. Гуманизм пролетариата требует неугасимой ненависти к мещанству, к власти капитализма, его лакеев, паразитов, фашистов и палачей, предателей рабочего класса, ненависти ко всему, что заставляет страдать, ко всему, что живет на страданиях сотен миллионов людей. Думается, что в этом схематическом подсчете реальных данных ценность буржуазной и пролетарской культуры достаточно ясна для каждого честного человека.

(Из статьи «О культуре») 1935 год

Существует страна, где вода и разум

Замечания автора к своим пьесам

Мы печатаем здесь отрывки из неопубликованных стенограмм «Замечаний А. М. Горького по поводу исполнения его пьес «Егор Булычев и другие» и «Достигаев и другие» в театре имени Евг. Вахтангова.

Закрывший просмотр «Егора Булычева» состоялся 19 сентября 1933 года. После просмотра Алексей Максимович в беседе с артистами давал подробные характеристики отдельным персонажам пьесы и делал свои замечания о каждом из исполнителей и о работе всего коллектива.

Второе действие: «...Тонко и убедительно играет Булычев в этой сцене. Очень смешно, и это добротный омах. Булычев перед этой сценой пляшет чересчур много для большого человека, а в присядку ему, больному, трудно. Это хорошее художество, и вполне в его характере. Это тоже ваша заслуга перед публикой, ибо этой пляшковой вы украсили пьесу, подчеркнули характер Булычева. Меланья — молодец. Вообще все идет весьма хорошо. Вероятно, публика очень будет смеяться. Еще раз — очень хорош пожарный. И нос у него хороший, и весь он правильно тошн...»

...Достигаев немного невинат. Может быть потому, что он быстро говорит. Он должен быть быструм в движениях, но не в речах, и я бы сделал его более тощим. Больше должно быть у него жестов, руками играет: лаская свой карман, тянется к чужим. Он очень нравится сам себе и удивлен, когда не нравится людям.

...Шура выяснится во второй пьесе. Тут надо делать известную последовательность. Это довольно характерное явление, таких девушек, как Шура, в нашу революцию было немало.

Звонцов фигура бесцветная сама по себе. Из провинциальных. Попытки быть активным будут сделаны дальше. Он мечтает о портфеле министра.

Третье действие: «...Я, отвлечаясь от того факта, что я — автор, — как артисты могут сказать, что интересно у вас вышло, публика будет смеяться, а это — очень важно»

Мне хочется повторить, что я приятно удивлен всем, что театр сам принес от себя в эту пьесу, и что мне кажется, что такая форма сотрудничества театра и автора в высшей степени ценна и сама по себе и особенно для нашего времени. Сейчас опытный театр должен помогать неопытному молодому автору, и если вы сумели помочь в этом старому автору, который, надо предполагать, в этом «собираю с'ель», то тем более вы должны остановиться на этом приеме и применять его к авторам молодым. Вы этим можете сделать большую и ценную работу. У театра есть все данные для этого. Это прием сотрудничества с автором, в высшей степени интересное дело и тем молодым авторам, которые будут задирать, вы можете сказать, «Вот мы старика Горького доработывали, так что вам, ребята, не следовало бы выдвигаться на мажораны».

Пропотей чрезмерно страховиден. Его надо причислить и обрезать бороду, а то слишком страшновато. Во второй пьесе он будет уже причисленным...

...Таня не надо ходить мыльными шагами. Она тихонькая, но не такая. Тем более, что в следующей пьесе она играет немного другую роль.

В смысле образов все сделано хорошо. Кое-какие есть неясности, недоговоренности, но это — от пьесы. Я вижу, что в ней есть много недосказанного...

Образ Горького в кино

Беседа с артистом-орденоносцем Н. К. Черкасовым

ЛЕНИНГРАД, 25 марта. (По телефону от нашего корреспондента). Награжденный орденом Трудового Красного Знамени ленинградский артист Н. К. Черкасов, известный по кинофильмам «Петр I» (Алексей), «Депутат Балтики» (профессор Полежаев) и др., сообщил о своей ближайшей творческой работе следующее:

— Нет большего счастья, чем работать в стране, где так высоко ценится искусство. Сейчас я заканчиваю работу над ролью Алексея во второй серии кинофильма «Петр I». Эта роль во второй серии значительнее, чем в первой.

Сейчас я заканчиваю работу над ролью Алексея во второй серии кинофильма «Петр I». Эта роль во второй серии значительнее, чем в первой.

«...Достигаев очень хорош. Мне кажется, что ему нехватает ручек в карманах. Надо держать ручки в карманах, потому что это ведь чрезвычайно характерная штука — человеческие руки и очень много просто необходимо их прятать. Они говорят чаще больше чем слова и могут выговорить такое, что вовсе никому не надо знать. Так что их прятать надо.»

...У Рябинина тоже руки надо бы сделать более подвижными. Это действующие, умные рабочие руки, привык что-то делать и все это его как-то интересует как это сделано. Он все это видел, но тем не менее его интересует. Это человек, который смолоду широк что-то делать, хороший слесарь. Эта игра в руках у него должна быть.

...Елизавета... там нужно больше убедительности, больше хорошей простоты. «В чем дело». Этим она его подкупает, этим она его и держит. Можно положиться на этого человека, с ним можно работать, не предаст. По одной линии предаст, но она и не скрывает этого: полковники, генералы. Но она хозяйка, своя, она не глупая, она посоветует. А так она совершенно искренна. И он ей верит. Рота настанит, но хорошая женщина, свой человек. И она это знает, что он к ней относится так...

...Антонина... Это в сущности своей очень драматическая фигура, несчастная. Это из тех несчастных людей, которые несчастие свое хорошо понимают. Воля убитая. А книжка — ежедневное питание и при этом книжка рафинированная, безнадельная — она насыщает сознание бессмысленным бытием. И в этом случае она не за себя говорит, а как бы за многих. Она должна быть (иногда это не удалось), она должна быть типичной, таких было много. В тот момент были коллективные самоубийства...

...Бородатым солдат. Его надо сделать отчетливее. Он эпический солдат. Чорт его знает чего он ни видел на своем веку, он был и конюхом, он не то, что понял что-то, но он почувствовал, всем своим существом почувствовал «вот что надо делать». Это типичный человек того времени... Он прошел путь от 6-го года. В 12-м году лесбиян расстрелял, видел, как страдали товарищи, массово страдали. Это какой-то массовый человек, палец какой-то руки. Я не хочу сказать, что он исторически чувствовал эту боль, но лично чувствовал. Так что ему особенно было неприятно, особенно говорить не нужно, он говорит спокойно, он злорадствовать не будет, но и жалеть не будет. Если нужно, то и сам расстреляет...

«В дальнейшем, если я слажу с этой темой, следующая пьеса будет трудней, там все крупный народ пойдет. Там бабочка одна деревенская будет, жена богатого деревенского мужика, — вояжа баба. У Достигаева с ней разговорчик будет. Она умная и она над Достигаевым будет издеваться, совершенно серьезно: «Купец, хозяин был, слышала, а теперь с кем знакомится, кого в гости принимает». Вот тут ему придется повертеться. Он чувствует, что за этим большая правда, что вельт как миллионы думают. Тут ему придется очень неудобно. И у Глафиры с этой бабой будет суровые отношения. Глафира уже партийный человек, гражданскую войну прошла. А Достигаев, у него дача, прием, автомобильчик свой...»

«Шура в левой загиб входит. Судьба Достигаева остается неопределенной судьбой, но ясно, что дальше делается его некуда. Холод у него больше нет никаких. Можно пожить и поуже, лишь бы пожить...»

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

Театр Горького

Относительно мирового значения русского театра не может быть двух мнений. Сейчас нам до полной отчетливости ясно, что только русский и советский театр и остался в Европе, как живое и народное искусство, связанное с традициями и смело развивающееся. Доказательство бесспорно много. Но меня сейчас интересует театр в его связи с драматургией. Нам и тут есть чем гордиться. История русской реалистической драматургии от Грибоедова и Лермонтова, через Гоголя, Островского, Чехова вплоть до Горького — такая это почетная глава в истории нашей культуры, такая быстрота и последовательность в развитии! Эта глава еще не написана. Нам следует пожелать, чтобы она была написана в связи с историей Малого и Художественного театров, чтобы Шенкин, Мочалов, Шумский, Садовский, Ермолова, Ленский, Станиславский, Немирович-Данченко, Москвин и Тарханов были героями развернутого исторического повествования. Светлые имена этих актеров — прочное достояние народа. Мощный фолклор культуры, которая по праву претендует на мировое значение, и об этом надо сказать полным голосом, со всей ответственностью за свои слова. Мы ведь знаем хотя бы о том, какое осветительное значение имели в Европе и Америке драматургия Чехова и Горького сама по себе, даже если не говорить о влиянии театра. Мы знаем, что большинство английских драматургов за последние десятилетия в своих пьесах так или иначе отсылаются к чеховской драме, к чеховскому диалогу, от чеховской остроты композиции.

И вот перед нами театр Горького со всем его революционным, варьируемым смыслом, с горячим красноречием персонажей «Мещанин», «На дне» или «Детей солнца», с отказом от канонической фабулы или интриги, которая очень часто принимается за важнейшее условие спешности, с крупной легкой характеров, со всей мощью жизненной правды, буквально затопляющей спелую, наконец, с этим, только одному Горькому присущим, языком. Чехов был тоже революционером в драме. Он первый сломал картонную коробку французского канона, по которому кроили свои бесцельные произведения такие приятные в театре драматургии, как Дюма-сын, Скрябин и Сарду и их русские подражатели, вроде В. Крылова, Рышкова и прочих. Зачем понаблюдать такая ломка? Что она несла с собой? От частого употребления канонической форма застопорена. Недаром театрики драматургии насчитывали 36 сценарических поэмочек, заданных, так сказать, от века, вневских, будто бы, не может быть спешности. И вот по столь упрощенной рецептуре делались вещи, похожие одна на другую, как цветы на обоях, а тогда же мало похоже на живую природу. На сцене находил выражение такой же условный мир страстей, как соответствующая ему игра актеров, представляющая собой набор более или менее талантливых заученных штампов: чтобы любить на сцене, надо было страстно шептаться, закатывая глаза под веки, чтобы ненавидеть — смотреть неподобно, хмура и морща брови, и пр. И если еще представить себе соответственное «ве-

А. М. Горький на теплоходе «Жан Жорес», на котором он последний раз возвращался из Сорренто в СССР, 1933 г. (Музей А. М. Горького).

С. ДУРЫЛИН

Горький и актеры

В неопытных «студях и днях» Горького большое место занимает театр. Горький знал театр с юности — не только как драматургу, но и как актеру. Он сам в молодости выступал на театральных подмостках.

В 1893—1894 годах Горький был статистом нижегородского армарочного театра, а спустя год превратился в хориста казанской оперы.

В 1897 году, живя в б. Полтавской губ. в Мануйловке, Горький организовал там театр для крестьян. «В Мануйловке я в течение летних месяцев 1897—98 гг. ставил пьесы Старицкого и др.» — писал Горький в 1933 году И. Ерофееву. «В «Марьяне-Батраке» даже играл роль — жениха, кажется. «Група» — почти сплошь местные крестьяне». В 1903—1904 гг. Горький принимал самостоятельное участие в работе Народного дома в Нижнем-Новгороде и настолько увлекся театральным делом, что даже вынужден был покинуть в Чехове, опасавшемся, как бы театр не оторвал Горького от его писательской работы.

Театром даже прельстит большой и увлекательный труд — показать в полном объеме все то, что сделано Горьким для театра.

Одна из самых интересных глав будущей книги о Горьком и театре будет посвящена, несомненно, деятельности Горького как театрального критика. В самарской и нижегородский периоды своей деятельности (1895—1900 гг.) Горький много уделял внимания театру. Впоследствии в своих статьях о театре и пьесах Горький проявляет много внимания и тонкого понимания работы актера.

Давая в «Самарской газете» (1895, № 209) отзыв о представлении комедии Островского «Лес», Горький пишет о Несчастливцеве: «В душе Несчастливцева горит огонь настоящего артиста, подмывающий его над лесом и своеобразной обаятельностью. Он говорит языком Шиллера и чувствует, как Шиллер, тогда как окружающая обаятельность говорит языком подьячего. В его образе автор сумел соединить комическое с трагическим, напыщенную форму — с искренним чувством, что делает фигуру его одной из самых ярких и живых в нашей драматической литературе».

Актер, по Горькому, должен не просто играть: он должен поднимать зрителя с унылой низины обыкновенного, обыательского «жизня-бытия»: он должен очущать человека от «всякого хлама и муора однообразной серой жизни».

В своих театральных рецензиях («Самарская газета», 1895—1896) Горький возмущен против актерского напыщения, против декоративной напыщенности, против холодного жеста и риторической фразы, но он же горячо протестует и против противоположного порока актеров: против серого копирования действительности, против шолохо «комкования», против вульгарного фарса. Горький рад, когда может отметить, что актер избежал обеих этих крайностей и создал «живой образ, всем понятный и вообразимый к себе горячее сочувствие». («Самарская газета», 1896, № 266)

В 1896 году, летом, в Нижнем-Новгороде прошли гастроли артистов московского Малого театра, и Горький увидел в твор-

честве Е. К. Лешковской, А. И. Южина, К. Н. Рыбакова, О. А. Пrawdina воплощение многих (но не всех!) своих чаяний, предьявляемых к искусству актера (см. статьи Горького в «Нижегородском листке» за июль—июль 1896 г.). Малый театр, по мнению Горького, избежал «грубого волюнтаристического» натурализма и вместе с тем резко уклонился от «фарсов, разрывающих толпу и понижающих ее эстетический уровень». Актеры Малого театра — реалисты, и, чтобы подчеркнуть идеальность их реализма и его общественную ценность, Горький называет это реализм «романтическим реализмом». Это определение приобретает полную ясность в том общем суждении о Малом театре, которое высказывал тогда Горький.

Через четыре года — в 1900 году — состоялось первое знакомство Горького с молодым тогда Художественным театром, и Горький в письме к Чехову делится своим впечатлением от актеров этого театра: «Очень «Дядя Ваня». Очень и еще нарочно пошутил смотреть эту пьесу, явив заранее билет... Жаль, что Вишневецкий не понимает дядю, но зато другие — один восторг! Впрочем, Астров у Станиславского немножко не такой, каким ему следует быть. Однако все они играют дивно!.. Каким они все умные, интеллигентные люди, сколько у них художественного чутья!.. Все, даже слух Григорий, был великолепный, все прекрасно и тонко, выжили, что они делают!.. Я, знаете, даже представляю себе не мог такой игры и обстановки. Хорошо! Мне даже жаль, что я живу не в Москве, — так бы все и ходил в этот чудесный театр» (Январь 1900 г.).

В одном из своих следующих писем к Чехову Горький с исключительным умением разбирает игру отдельных актеров Художественного театра в «Снегурочке» Островского Назван имена Кинипер, Ляляной, Андреева, Савитко, Качалова, Москвина, Грибунина, он восклицает: «Они, как ангелы, посланные с неба рассказывать людям глубины красоты и поэзии» (Письмо от сентября 1900 г.).

Увлечение Горького новым театром продолжалось и в годы непосредственной творческой близости к нему (1901—1908), когда в Художественном театре впервые поставлены были «Мещанин» и «На дне». Самый тонкий и написанию этих пьес Горький, как известно, получил от Художественного театра.

Горький был удивлен, когда роль барона в его «На дне» была дана Качалову — лирическому герою, изящнейшему царю Берлеппе из сказки Островского. Но после генеральной репетиции своей пьесы Горький восклицает: «Ничего подобного я не писал. Только это — гораздо больше, чем я написал. Я об этом и не мечтал.»

В этих словах великий пролетарский драматург признавал за реалистическим искусством актера право на такое соотворчество с автором, которое безмерно углубляет и жизненно завершает образ, написанный драматургом.

* Натуральное Эмилия Зола.

Встречи в Московском Художественном театре

Помню, когда в 1902 году я решил познакомиться в Художественном театре, мы беседовали со Станиславским. Тогда он сообщил мне, что театр работает над пьесой Горького «На дне».

Горького до этого я знал только по его произведениям. Первая моя встреча с ним состоялась в Художественном театре во время спектакля «На дне». Он провалил на меня чудесное впечатление своей непосредственностью и живостью. Пьеса его прошла с исключительным успехом.

Следующая встреча произошла в канун революции 1906 года, во время постановки «Детей солнца». Я вспоминаю крайне напряженную атмосферу того времени. Публика так реагировала на спектакль, что приходилось даже вырывать занавес во время действия, чтобы восстановить порядок.

В этот период Горький много времени отдавал театру. Вскоре Горького выслали. Вагон, в котором его направляли в ссылку, стоял прямо на запасных путях. И нам, группе артистов Художественного театра, с трудом удалось проникнуть в вагон, чтобы поговорить с ним перед отъездом.

Последняя встреча с Горьким произошла в Художественном театре во время чтения пьесы «Достигаев и другие». На чтение присутствовал весь артистический коллектив театра вместе с Немировичем-Данченко. Читая свою пьесу, Горький сильно волновался. По окончании чтения он просясь задавать ему вопросы, делать замечания, критиковать пьесу. Мы все почувствовали художественное и политическое значение этой пьесы.

Эта пьеса избрана сейчас для постановки к 40-летию Художественного театра. Показывая к своему юбилею две премьеры — «Достигаев и другие» Горького и «Горе от ума» Грибоедова, театр берет масштаб в сто лет.

Мои воспоминания

С большим интересом ждала я первой встречи с талантливым молодым человеком, рассказавшим о своем участии в жизни актеров. Вскоре после приезда в Ялту, в 1900 году, я увидела М. Горького — большого, сильного, могучего! Свообразного — в своей живописной рубашке и сапогах. Вся его дикая охота по поминуту отводил пряди волос, которые падали ему на лоб, и запрокидывал голову.

Весьма ли он был! Жадный до жизни. Всем интересовался. Антон Павлович уговаривал его непременно писать пьесу. Горький сидел на гастролях спектаклей нашего театра, с любовью изучал жизнь театра, дружил с актерами, увлекал всех нас яркостью изложения своих мыслей и чувства.

Во время гастролей в Петербурге наш театр впервые ставил пьесу Горького «Мещанин». Помню, на-этой пьесы в городе была необычайная шумиха! Театр страшно волновался. В Петербурге в то время начинались студенческие революционные волнения. Власть боялась, что пьеса вызовет горячий отклик в публике, и цензура буквально искрошила ее. Было столько кипучих, что актеры недоумевали, как оклеветать роль на обрывках этой пьесы. И все же даже в таком виде пьеса имела огромный успех!

Пьесой «Мещанин» мы открыли сезон в нашем новом театре в Камергерском переулке в Москве.

В 1902 году театр возобновил новую интерпретацию пьесы Горького «На дне». Горький читал ее в труппе о огромном волнении, несколько раз падал при чтении.

«Детство Горького»

Уже снято, смонтировано и озвучено 6 частей нового фильма «Детство Горького» (съемочная труппа режиссера М. С. Донского — Советфильм).

На экране — Нижний-Новгород 70-х годов. На городской пристани шум и оуета. Медленно приближается, оглашая волжский простор крилою сирены, старый пароход «Аскольд». У борта стоит маленький Алексей о бабичью и матерью.

Сценаристы И. Груздев и М. Донской, стремясь полнее передать красоту волжских горьковских слов, все диалоги построили на подлинном горьковском тексте.

Музыка к фильму построена на подлинных волжских напевах, собранных и обработанных композитором Л. Шварцем.

Над образом бабушки в фильме «Детство Горького» работает народная артистка Республики В. О. Массальникова. Артист Д. Л. Сагал исполняет роль Цыганка.

Алешу Пешкова играет тринадцатилетний Алеша Лярский.

«Достигаев и другие» — одно из лучших произведений русской драматургии; это шедевр постановки МХАТ после «Мещанин», «На дне», «Детей солнца», «Булычева», «Брага».

Горький был исключительным мастером и хранителем русского языка. Белл не чувствовал языка Горького, то нельзя играть его пьесу. В «Достигаеве» можно услышать образность, образный миром и законченность описания, свойственными Горькому. Пьеса также должна хорошо звучать и по радио. В скучных словах Горький дает яркие характеры. Играть его персонажей — огромное наслаждение для актера.

«Достигаев» есть старуха Чугунова, про которую Достигаев говорит: «Ее весь горюк боится». На сцене эта старуха появляется всего на две минуты. А по той характеристике, которую Горький дал ей как материал для работы актрисы, можно написать целая расписка. Такие исключительно яркие и характерные указания он давал каждый раз при постановке своих пьес.

«Достигаев» труден для постановки на сцене: это прежде всего мысль, только одним чувством тут не возьмешь. До артиста надо донести содержание пьесы. Образ Достигаева должен так же звучать со сцены, как звучит со сцены образ Таргофа Мольтера.

Алексей Максимович Горький намечал создать трилогию. Вслед за «Булычевым», «Достигаевым» мы ждали последнюю пьесу — «Рябинин и другие». Это должна была быть большая пьеса о сегодняшнем дне. В литературном наследстве Горького, о великом нашему сожалению, этой пьесы не оказалось. Но несомненно, что она существовала в мыслях Горького.

Народный артист СССР Л. ЛЕОНИДОВ

И все мы ходили под влиянием этой необычайно сильной, яркой картины жизни молодежи.

Алексей Максимович принимал активное участие в работе над пьесой. Учил актеров осваиваться с чуждым нам бытом «дзана».

Помню, с какой любовью учил он меня (Настя), как надо крутить «собираю ножку» из бумаги с мажоркой, как закуривать, ходить и т. д. Он совершенно серьезно убеждал меня:

— Я привезу в ваш дом ленту из почтальона и поеду с вами, а вы, Ольга Леонардовна, живя рядом с ней, сможете выжить в психологию такой отчужденной души.

Первый спектакль «На дне» был настоящим триумфом Алексея Максимовича. Вызовом не было конца.

Однажды Горький приехал необычайно потрясенный. Нервничал, а потом начал рассказывать:

— Я читал «На дне» в постели на постелем барону Вольфульфу, настоящему Насте. Понимаете! Плакали в постели. Кричали: «Мы хуже, мы хуже!» Целовали меня, обнимали...

Горький возобновил всех рассказов о новой жизни, о новых людях, о стремлении Горький был предвестником того движения, которое бролило с начала XX столетия в недрах России, превратилось в 1905-6 годах в буржуазную революцию, а в 1917 году в социалистическую революцию.

Народная артистка СССР О. КНИППЕР-ЧЕХОВА

В павильоне на Потылкинском воспроизведен второй дом Каширинных — точная копия того дома, который и сейчас еще стоит в Горьком на Полевой улице. Каждый день с 9 часов утра этот дом заселяет семья Каширинных. Начинается интенсивная работа — проверяется аппаратура, ленту последние указания актерам, включается свет и, наконец, раздается команда режиссера М. Донского:

— Притормозите! Внимание! Мотор! Выстро пробегает через двор рассерженный лед, возбужденно крича: «Пол поджег, все испорчено! Денги не платили! Вылезай!» Убирайся! Свирельный лед пнул собаку ногой и скрылся в доме.

Кадр за кадром фиксируются на пленку последние эпизоды. К 20 апреля фильм будет готов.

А затем начнется работа над второй и третьей частями трилогии — «В людях» и «Мой университет».

ком чужой характер во всей его сложности и полноте.

Вот основное, в чем связан Горький с Чеховым, и — тут же следует подчеркнуть, — в чем они оба связаны со школой и направлением Художественного театра. Как это очень часто бывает в искусстве, произошла взаимная зарядка опытом, взаимным, углублением, заново выдвинутыми требованиями, свежечувствованиям заказом новой эпохи.

Но великий народный художник, юные живописавший нас, художник Максим Горький оказался противоположным Чехову в основном, внутреннем качестве своей драматургии. Где-то в самом сердце, в самой сокровенной глубине чеховских пьес теплится надежда на переустройство человеческого общества. Но Чехов стылится по отношению к ней, так же, как он стылится по отношению к другим большим чувствам.

Горький пришел в театр резкою яркостью средств выражения. Когда чеховские герои замолкают на полуслове, тогда вступают персонажи Горького. Красноречие ранних героев Горького как будто бы врет ткань пьесы, но это обманчивое впечатление. Как бы оно ни выступало из берегов, как бы ни переходило через рампу, это всегда настоящий реалистический театр, полнокровный и заражающий. В лучшей из ранних горьковских пьес — «На дне» все нестройно, живо, перепутано, как в жизни, отношения плотно притерты друг к другу, сложнейшей часовой механизмом в сцепленных зубчатых колесках. Его беспорядочный ход — это сама несчастная, про-

клятая и трижды благословенная людская жизнь. Любовь и ненависть существуют в кричащем соседстве. Ликование заглушающих пропой илет непосредственно слезом за смертной агонией; известно о том, что посясился актер, врезается в песню и «спорит» ее.

Тем же здоровым чувством сцены внешние знаменитые выступления трех лекарей в «Булычеве» — трубочка, заплата и народливое. В этом же секрет потрясающего действия на публику второго акта «Достигаева», который в конце разрушается, как бомба, хорошо психологически подготовленным в то же время неожиданным бунтом Таисии. Все это явления одного порядка. Это — театр. По-своему понятый, не имеющий ничего общего с канонами драматической культуры, о которых была речь выше, но традиционн-народный, так же, как народ театр Шекспира или Аристофана. При этом пьесы Горького вовсе не просты, они требуют плеча для своего раскрытия. Их яркость обпаруживается только тогда, когда правильно поняты образы и определены отношения между ними. Причем важно, что исполнение этих образов требует от актера очень сложной способности: умения думать на сцене, а не только сообщать результат обдуманного. Но что же это значит? Это значит — со всей серьезностью, со всей глубиной внутренней сосредоточенности относиться к прекрасному скульптурному тексту Горького, как к только что непрозрачно рожающимся собственным словам.

Таким образом театр Горького сочетает в себе высокую «литературность», то есть трудность и глубину текста, необычность композиции, словесные дилетанты и заторможенное действие и рядом яркость сценических красок и положений. Так мог писать драматург, прежде всего учившийся у жизни, смелый, не стискившийся ни перед какими требованиями условного жанра, заставивший всю его спешивую служить себе, своей мысли, своим требованиям социальности содержания. Горький — крутой автор для театра, несогласный; его пьесы можно испортить, провалить на сцене, но нельзя поставить «по-своему». Их можно и должно ставить только «по-Горькому». Тогда они живут и дышат. Великолепный, общезначимый, доступный и шедый Островский уже сколько десятилетий служит театру, служит доблестно, разнообразно и гибко. В этом его сила Горький не служит театру, а хозяйничает в нем. В этом сила Горького. И еще об одной черте Горького, присущей только ему, следует сказать. В последние годы своей жизни он поднял на плечи труд, переключившись с балластной «Человеческой комедией». Им был задуман пил пьес — тетралогия, первые две части которой — «Булычев» и «Достигаев». Следом должен был явиться «Рябинин и другие». Это тоже замысел романиста и сопролога, подчиняющего себе театр с его ограниченными средствами 2—3-часового представления. Горькому было мало этих 2—3 вечерних часов, и вот представленные «Булычева» обрывается на полуслове. Это потому, что перед глазами автора стояли не личные судьбы персонажей, а история его родин.

Могучая жизнь Горького оборвана злодейской рукой. Вместе с жизнью оборван его замысел. Мы имеем право только на то, чтобы гадать о нем. Это наше последнее горестное и счастливое право.

За 5 дней

По центральным газетам
с 21 по 25 марта

Достойная награда

23 марта опубликованы указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении персонала дрейфующей станции «Северный полюс», экипажей и экспедиционного состава судов «Таймер», «Мурман», «Мурманец» и «Ермак». За проявленные героизм в деле выполнения правительственного задания товарищам Кренкею, Ширшову и Федорову присвоено звание Героя Советского Союза со вручением им ордена Ленина. Герои Советского Союза тов. Паннин награжден вторым орденом Ленина. Каждому герою выдана денежная награда в размере 30 тысяч рублей.

Комитет по делам кинематографии при Совнаркоме СССР

В целях улучшения и объединения руководства кинематографией, упорядочения дела кинофикации, производства и проката кинофильмов при Совнаркоме СССР образован Комитет по делам кинематографии. На Комитет возложено руководство всеми делами кинематографии, в том числе руководством производством кинокартин, кинофильмов и прокатом кинокартин по всему Союзу СССР.

Награждение работников кинематографии

В связи с выпуском выходящих кинофильмов, получивших единодушное одобрение зрителей, — «Ленин в Октябре», «Петр I» и колхозный фильм «Богатая невеста», Президиум Верховного Совета СССР награждает группу особо отличившихся режиссеров, сценаристов, артистов, монтажеров и рабочих-станхановцев. Орденом Ленина награждены Шуклин В. В. — исполнитель роли В. И. Ленина в кинокартине «Ленин в Октябре», Ромм М. — режиссер кинокартин «Ленин в Октябре», Кайлер А. Я. — автор сценария кинокартин «Ленин в Октябре», Толстой А. Н. — автор сценария «Петр I», Петров В. М. — режиссер и соавтор сценария картины «Петр I», Симонов Н. К. — исполнитель роли Петра I, Пырьев И. А. — режиссер кинокартин «Богатая невеста». Орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» награждены: артисты М. Яковлев, Н. Черкасов, Н. Охлопков, Б. Бегина, А. Тарасова и другие работники кинематографии.

Открылся Московский клуб писателей

23 марта открылся реорганизованный из Дома писателя Московский клуб писателей. К тем часам дня сюда съехалось немало писателей, художников, журналистов. В верхних комнатах клуба в винку в столовой были выставлены работы художников А. Тышлера, П. Кончаловского, Ю. Пименцова и Н. Дейнеки.

Сергей БАЖАНОВ

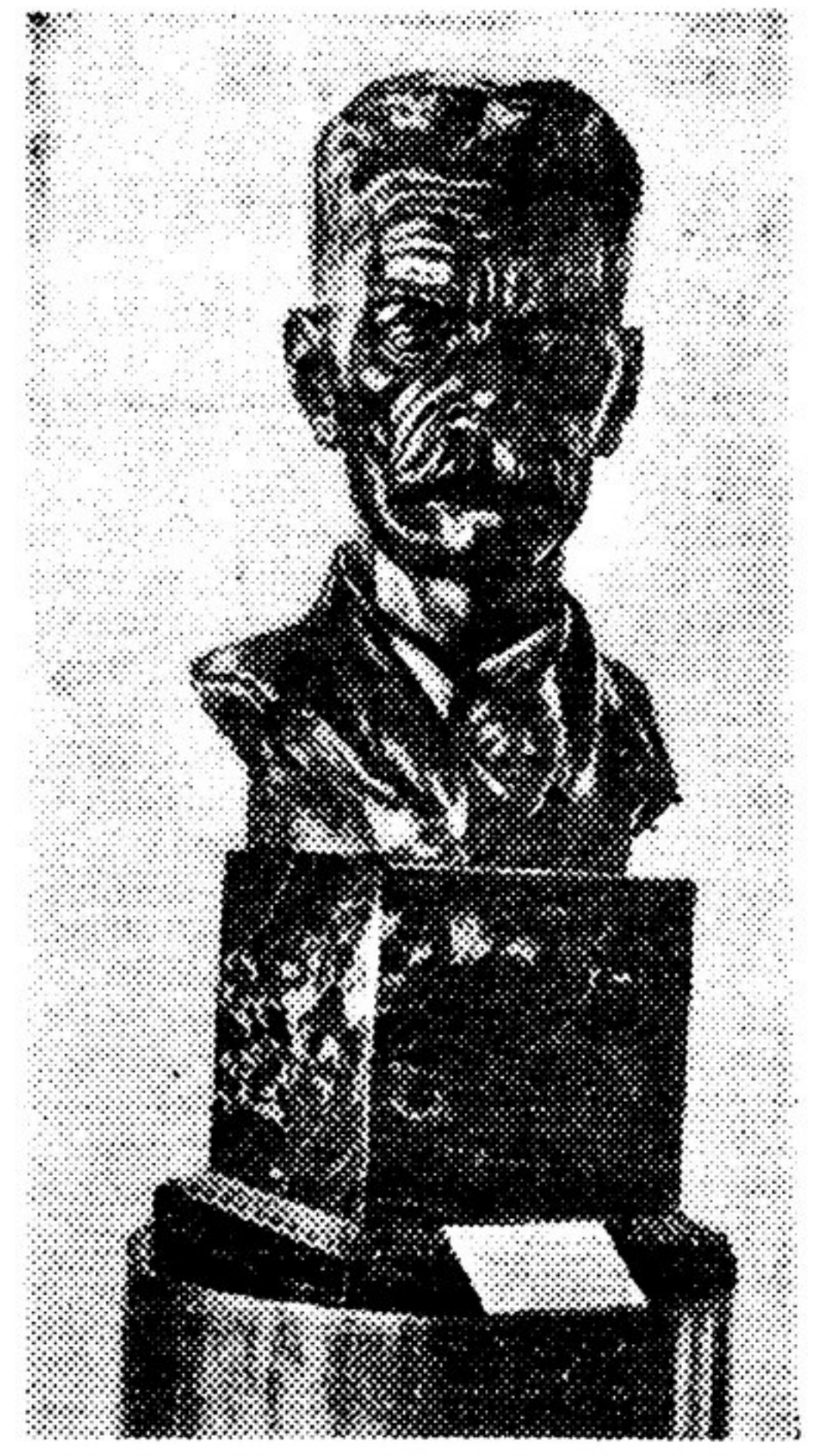
Вечно живой Горький

На камне, у большой дороги, сидит молодой парень. Он в высоких, подбитых гвоздями, дорожных сапогах, за плечами мешок, рядом — раскрытая книга и сукочная палка. Молодой человек охватил длинными руками колесо и, высоко подняв голову, смотрит вдаль. Большая дорога лежит перед ним, — дорога в жизнь. Что ждет его? Какие испытания, беды, мятраства? Но смотрит он вдаль свободно и дерзко. Он ко всему готов. Он встанет сейчас и пойдет по большой дороге, свободной, похолодевшей палкой и глядя в раскрытую книгу. Вся жизнь для него — добротная книга. И глава его, жалкие, добротные, внимательные к человеку, птице и камню на дороге, уже горят большими ветеранием.

Молодого, безвестного человека зовут: Алексей Пешков, нижегородский пеховик... «Великий человек лежит в гробу. Его имя знает весь мир. Его пламенно любил человечество и зло ненавидели враги человечества. Он умер на посту, убит врагами. Навек закрылись глаза, такие жалкие к жизни. Сложены на груди руки, чудесные руки мастера... Его зовут — Максим Горький».

Алексей Пешков по большой дороге покаян в первом зале музея. Максим Горький в гробу — в последнем. Между этим — большая жизнь. Ее не вместить в тесных залах музея. Они разворачиваются перед нами лишь как детали величайшего памятника тому, кто был — Максим Горький...

В музее выставлены книги Алексея Пешкова. Псалтырь и Часослов — по которым он учился грамоте. Книга Ефрема Сирина. Затем «Беллетристика» — «Уак или непобедимая верность», «История о храбром рыцаре Франциске Венциане и о прекрасной королеве Реншвине», «Тайны Современного Петербурга», «В царств Верверы», «Предание о том, как солдат спас Петра Великого от смерти». Но эти книги горько разочаровывали жалкого к чтеению парня. В них не было правды жизни, той жизни, которая окружала его. Но вот в «Библиотеке» Алексея Пешкова появились

Бюст А. М. Горького работы чешского скульптора Саника, сделанный в 1910 году на острове Капри. (Музей А. М. Горького).

Горьковские дни

ЛЕНИНГРАД

При Институте литературы Академии наук работает специальная бригада, возглавляемая проф. В. А. Десницким, изучающая литературное наследие Горького. Она готовит издание специального сборника, куда войдут ранние, неизвестные широкому читателю произведения Горького, письма писателя и ряд статей о нем.

К юбилейным дням выйдут в печать второе, дополненное и переработанное, издание книги проф. Н. К. Писанова «Горький и фольклор».

Проф. Писанов готовит также новую книгу: «Горький в музее». Автор в частности освещает вопрос об отношении Горького к народной музыке и рассказывает, как Горький, работая пекарем в булочной в Казани, по ночам учился игре на скрилке; уроки он брал у оркестранта городского театра.

Ленинградское отделение Гослитиздата выпускает второе, переработанное издание биографии А. М. Горького, написанной И. Груздевым. Слан в производство первый том большого исследования И. Груздева «Горький и его время». Массовым тиражом издаются три сборника ранних рассказов Горького («Однажды осенью», «Песнь о соколе», «Песнь о буревестнике» и другие) и иллюстрированное издание «Дело Артамоновых».

В Казанском университете организуется выставка с отделами: «Горький в Казани», «Репрессии царизма против Горького», «Творческий путь Горького», «Литература о Горьком». Выставка заканчивается отделом «Враги народа — фашистские бандиты убили Горького».

В колхозе им. Максима Горького (село Красновидово), где Алексей Максимович в 1898 г. вел революционно-пропагандистскую работу среди крестьян, 28 марта проводится большой вечер. С воспоминаниями об Алексее Максимовиче выступит колхозник М. В. Кузин, работавший в то время вместе с Горьким в лавке у Ромаса.

Ростовское отделение союза советских писателей 28 марта проводит большой литературный вечер, посвященный жизни и творчеству Горького, 28 марта театр им. Максима Горького поставит пьесу «Мещане». Писатели Ростова в день годовщины выступят на вечерах в клубах и на предприятях с докладами о Горьком.

В Ростовском отделении союза советских писателей 28 марта проводится большой литературный вечер, посвященный жизни и творчеству Горького, 28 марта театр им. Максима Горького поставит пьесу «Мещане». Писатели Ростова в день годовщины выступят на вечерах в клубах и на предприятях с докладами о Горьком.

В Ростовском отделении союза советских писателей 28 марта проводится большой литературный вечер, посвященный жизни и творчеству Горького, 28 марта театр им. Максима Горького поставит пьесу «Мещане». Писатели Ростова в день годовщины выступят на вечерах в клубах и на предприятях с докладами о Горьком.

В Ростовском отделении союза советских писателей 28 марта проводится большой литературный вечер, посвященный жизни и творчеству Горького, 28 марта театр им. Максима Горького поставит пьесу «Мещане». Писатели Ростова в день годовщины выступят на вечерах в клубах и на предприятях с докладами о Горьком.

Горьковские дни

МОСКВА

70-ю годовщину со дня рождения А. М. Горького Академия наук СССР отмечает 27 марта заседанием Отделения общественных наук. В. Я. Кирпотин выступит с докладом «Максим Горький — великий пролетарский писатель», проф. С. Д. Балухатый прочтет доклад на тему «Творческий путь Максима Горького», О. В. Цеховицер — «М. Горький в борьбе с фашизмом».

Московский институт истории философии и литературы сегодня, 26 марта, проводит специальное заседание литературных кафедр в большой аудитории института. На заседании с выступительным словом «Горький — борец за коммунизм» выступит декан литературного факультета проф. Ельин.

28 марта в Центральном доме культуры железнодорожников соберутся станхановцы-красноносцы Московского железнодорожного узла, чтобы отметить юбилей любимого писателя.

После доклада о жизни и творчестве М. Горького состоится большой литературно-музыкальный концерт с участием артистов МХАТ, Малого театра, театра им. Вахтангова и артистов эстрады.

Выступления А. М. Горького никогда не записывались на грампластинки. Сохранилась лишь пленка с записью вступительного слова, доклада и заключительного слова А. М. Горького на 1-м всесоюзном съезде советских писателей. Сейчас фабрика звукозаписи занята переводом речи Горького с пленки на грампластинки. Записывается также сцена в пьесе из повести Горького «В людях» в исполнении артистов Художественного театра.

Большим тиражом выпускаются записанные на грампластинки выписки отрывки из произведений Горького. Среди них: сцены с шумливой, трубочкой и помом из пьесы «Егор Булычов и другие» в исполнении артистов театра им. Вахтангова; сцена из пьесы «Враги» в исполнении народных артистов СССР Тарасова и Хмелева. Отрывки из пьесы «На дне» и «Песня о буревестнике» исполняет народный артист СССР Качалов.

«Летопись жизни, деятельности и творчества А. М. Горького»

Институт мировой литературы имени А. М. Горького ведет научную разработку творческого наследия великого русского писателя Алексея Максимовича Горького. В институте создана специальная горьковская секция. Ее основными задачами на первое время являются составление «Летописи жизни, деятельности и творчества А. М. Горького» и подготовительная работа к первому научному изданию полного собрания сочинений и собрания избранных писем Горького.

Научным работникам института предстоит огромная работа. Они должны изучить как рукописное и эпистолярное наследие Горького, так и все его произведения, которые в свое время публиковались Алексеем Максимовичем на страницах газет и журналов, но никогда им не собирались и не включались ни в сборники, ни в собрания сочинений.

В архиве А. М. Горького собрано сейчас около 63.000 рукописей, писем и документов. Если к этому прибавить около 40.000 печатных единиц — книг, брошюр, статей и заметок о Горьком, то станет ясен объем тех материалов, которые должны быть аннотированы и изучены коллективом работников горьковской секции института.

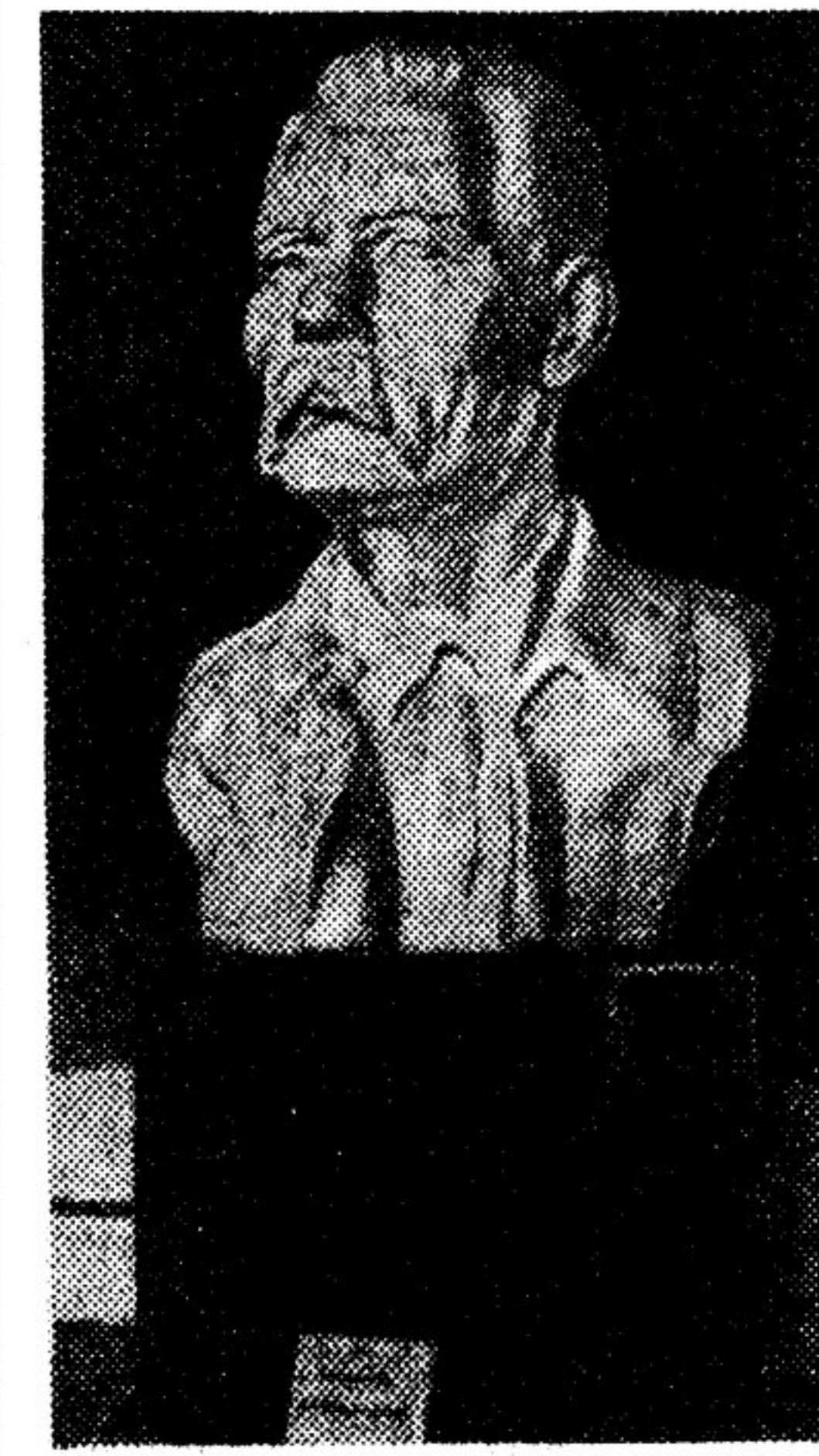
В «Летопись жизни, деятельности и творчества А. М. Горького» все материалы предполагается расположить в хронологическом порядке. В отдельные разделы войдут важнейшие даты и события из истории России, истории революционного движения, социального строительства СССР, даты и события жизни и общественной-политической деятельности Горького, даты литературно-творческой работы Алексея Максимовича.

Он сидел уже в одной из четырех бабел Нижнегородской тюрьмы, сидел в Мещетском замке в Тифлисе. Находясь под надзором полиции в Арамаесе. И в дни славы своей он не отворачивался от народного дела. Не закрывает глаз, не заткает ушей. Напротив: верный сын народа, теперь-то он и начинает греметь.

1901-й год. «Пролетарият выносит на улицы свой клич — долгой самодержавие!» (Ленин).

Горький — вместе с пролетариатом. По всей стране распространяется опечатанная на желтобумаге, имзоброфажа, или просто в рукописных списках революционная «Песня о буревестнике». Горький пишет листовки, поднимает голос протеста против изгнания студентов на Казанской площади в Петербурге, попадает в тюрьму (читает там «Иммануила Канта», историю римского народа) Тита Ливия), едет на съезд РСДРП в Лондон, знакомится с Лениным и Сталиным, близко участвует в большевистской печати...

Ленин пишет в передовой «Искры» от 20 декабря 1901 года: «В Нижнем небольшом, но удачно сошедшая демонстрация 7 ноября была вызвана провалами Максима Горького».

Бюст А. М. Горького, работы скульптора Н. В. Крайневской, сделанный из мрамора в 1928 году. (Музей А. М. Горького).

Горьковские дни

УКРАИНА

Харьковский горком КП(б)У вместе с секретариатом союза советских писателей Украины проводит собрания пропагандистов и писателей, посвященные памяти А. М. Горького. В каждом районе Харьковской области состоятся собрания с докладами о великом пролетарском писателе.

Лекторий при Киевском горкоме КП(б)У проведет на заводах Киева 10 лекций; они сопровождались чтением отрывков из произведений Горького.

Киевская областная библиотека им. ВКП(б) организовала большую выставку; на ней представлены редкие издания произведений Горького, переводы его произведений на украинский язык, высказывания писателя об украинской литературе.

28 марта в новом зале Киевской государственной консерватории состоится общегородской вечер, посвященный великому писателю. 29 марта комсомольцы Киева вместе с союзом советских писателей Украины проведут общегородское собрание.

Государственное издательство Белоруссии выпускает на белорусском языке полное собрание сочинений великого пролетарского писателя А. М. Горького в 25 томах. Уже выпущено из печати 8 томов. В конце марта, к 70-летию со дня рождения Алексея Максимовича, выходит еще два тома. Тираж каждой книги 5.000 экземпляров.

В текущем же году выходит из печати на еврейском языке сборник избранных рассказов А. М. Горького.

Государственное издательство Армении выпускает сборник писем Горького, в который вошли «Васса Железнова», «На дне», «Враги», «Мещане», «Егор Булычов и другие». В апреле выходит в свет в новом переводе «Мать» и второй том «Жизнь Климента Самгина».

Правление союза советских писателей Армении предпринимает издание восьмитомника избранных произведений А. М. Горького.

Карельское государственное издательство выпускает брошюру «Писатели Карелии о Горьком». В брошюру войдут биография Горького, речь т. Молотова, в день похорон великого писателя, литературные произведения и высказывания карельских писателей о великом пролетарском писателе А. М. Горьком.

В музее очень подробно освещен «академический инцидент».

Вот письмо Николая П. Корованкина избранному Горькому в почетные академики. Игнарь Горького на академик! И вот уже прислана в движение скрипящая бюрократическая машина. Трелю кофиденциально доносит царю, что смяот оно дано распоряжение об избрании у А. М. Пешкова на звание об избрании его в почетные академики. И подпись — «всепопданнейший Владимир Тренова».

В МИРЕ КНИГ

Горький в цифрах

По данным Всесоюзной книжной палаты, с 1897 по 1916 г. произведений Горького в быв. царской России издали тиражом 1.072 тыс. экз. За двадцать лет после Великой пролетарской революции в СССР на русском языке произведений М. Горького издали тиражом в 33.089 тысяч экземпляров. Большинство произведений переведено и издано на 58 других языках тиражом в 3.834 тыс. экземпляров.

Наибольшей популярностью пользуется непревзойденная повесть М. Горького — «Мать». За последние двадцать лет «Мать» издана на русском языке тиражом в 1.171 тыс. экземпляров и на 23 языках народов СССР тиражом в 301 тыс. экземпляров.

В архиве издательства «Знание», одним из учредителей и руководителей которого был А. М. Горький, сохранились весьма любопытные цифры, характеризующие повышенный интерес читателей к книгам Горького, в частности к его пьесе «На дне».

Пьеса вышла фактически двумя тиражами по 40.000 экземпляров каждый (на обложке же помечались, как новое издание, каждые 5.000 экз.; всего, таким образом, вышло как бы 16 изданий).

В год выхода (1903 г.) пьеса «На дне» разошлась в количестве 75.073 экз., в 1904 — 1.449 экз. Остаток разошелся в течение 9 лет до 1912 г. включительно мелкими количествами от 180 до 669 экз.

Пьеса «Мещане», появившаяся в 1902 г., разошлась в первый же год в количестве 43.428 экз., в 1903 г. ее было продано 15.246 экз. В течение последующих лет (с 1904 по 1911 г.) она движется медленно, мелкими партиями от 21 до 598 экз.

Сборник самарского периода

В издательстве «Советский писатель» вышел из печати первый сборник произведений А. М. Горького, относящихся к самарскому периоду его писательской деятельности, ко времени его работы в «Самарской газете» в 1896—98 г. На страницах этой газеты были впервые напечатаны такие его жемчужины, как «Песня о Соколе», «Старуха Изергиль», «Гость», «На полях» и другие; здесь же был напечатан и длинный ряд художественных произведений, очерков и фельетонов, которые впоследствии больше не переиздавались. Эти имени произведения и составляют содержание сборника «Горький в Самаре».

Кроме очерков, рассказов и стихов А. М. Горького, в сборнике помещен и ряд его статей из «Самарской газеты» за подписью «Игуудия Хламиды».

Заканчивается сборник архивными документами о революционной деятельности Горького этого периода и рядом воспоминаний о нем его современников.

«Горький на родине»

Так называется выпущенный горьковским областным отделением ОГПУ сборник воспоминаний о жизни А. М. Горького в Нижнем-Новгороде. Основную часть сборника составляют воспоминания, относящиеся к последним годам пребывания А. М. Горького в Нижнем (1896—1904).

Большинство воспоминаний написано специально для данного сборника, выпущенного в связи с семидесятилетием со дня рождения великого пролетарского писателя.

«Не напишите ли майский листок? Или листоочку в таком же майском духе? Коротенькую, «сукочную» ли? Тряхните старинной — помните 1905-й год!»

В 1920 году Ленин дал Горькому свой клич «Летская болезнь «левизны» в коммунизм» и подписывает: «Дорогую Алексею Максимовичу Горькому от автора».

Затерянный автограф

В конце 1915 г. М. Горький приезжал в Москву, где с его участием состоялось совещание ряда московских и петербургских общественных и литературных деятелей по вопросу о создании в Москве новой большой газеты. В это же время в театре Незлобина состоялся концерт в пользу беженцев из мест, занятых немцами. Устроителю концерта пригласили Горького, который по их просьбе дал свой автограф, тут же проданный на аукционе за сто рублей.

Приводим текст этого автографа: «Надо любить человека, надо уметь ценить человеческое».

Местонахождение этого автографа теперь неизвестно, но в свое время он был опубликован в «Известиях книжных магазинов Больфа» (1915 г. № 11).

Книга-юбилар

Семидесятилетие со дня рождения А. М. Горького совпадает по времени с выходом в свет двух первых книг его «Очерков и рассказов». Они появились 40 лет назад, 30 марта 1893 г., в Петербурге, в издании С. Дороватовского и А. Чарушниковых. В каждый том вошло по 10 рассказов.

Любопытна история «схождений по мукам» молодого Горького в поисках издателя. Редактор журнала «Жизнь» В. А. Поссе решил взять на себя устройство отдельного издания его рассказов. По ряду воспоминаний, появившихся в печати (самого Поссе, Н. С. Дороватовского (сын издателя), А. Е. Богданович и других), трудно установить, какие мытарства при этих поисках пришлось пережить Горькому, сытию нуждавшемуся тогда в деньгах для лечебной поездки в Крым.

От издания книг Горького последовательно отказались издатели О. Н. Попова и М. Н. Семенов. Этим по существу исчерпались «конъюнктурные» возможности. Выручка случайная. Поссе неожиданно встретил своего знакомого А. П. Чарушника, служившего инструктором в страховом обществе и не имевшего никакого касательства к издательским делам. Поссе убедил своего знакомого заняться книгоиздательством и дал начала предложил ему книги Горького. Чарушников, знакомый с рассказами, дал принципиальное согласие, но отложил вопрос до подписания контракта. Так возникло новое издательство, выпустившее первые книги Горького.

Первые две книги Горького имели исключительный успех. В течение года весь тираж книг (7000 экз.) был распродан. Дважды были повторные издания, которые за два года разошлись в количестве 19.300 экземпляров. В настоящее время они представляют собой библиографическую редкость.

Ценный подарок

Министр просвещения Испанской республики Хесус Эрнандес прислал наркому просвещения РСФСР П. А. Торюнину в дар народом Советского Союза ценную коллекцию испанских книг. Коллекция насчитывает 1500 томов. Значительный интерес представляет серия книг классиков испанской литературы, изданных в период от средних веков по XIX век. В особой серии собраны лучшие произведения испанских писателей, роскошные отдельные издания книг Лопе-де-Вега и Сервантеса.

В привезенной коллекции имеются старинное издание истории Испании Лафунте, альбомы с репродукциями картин и рисунков знаменитых художников, труды видных по музеям, монографии о художниках Гойа, Веласкесе, Рибейра и Мюрило, многочисленные издания книг по искусству и литературе.

Вся эта коллекция передана Государственной Центральной библиотеке иностранной литературы Наркомпроса РСФСР, где 15 апреля состоится ее общественный просмотр. В конце апреля библиотека совместно с союзом советских писателей организует в одном из московских дворцов культуры вечер интернациональной литературы, на котором будет развернута выставка полученных испанских книг.

«Горький на родине»

Так называется выпущенный горьковским областным отделением ОГПУ сборник воспоминаний о жизни А. М. Горького в Нижнем-Новгороде. Основную часть сборника составляют воспоминания, относящиеся к последним годам пребывания А. М. Горького в Нижнем (1896—1904).

Большинство воспоминаний написано специально для данного сборника, выпущенного в связи с семидесятилетием со дня рождения великого пролетарского писателя.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЯТИНСКАЯ.